

Л.ТОМОВА

КРАСНЫЙ ВСАДНИК

УОТ ТАЙЛЕР

**О тех, кто первым ступил на неизведанные земли,
О мужественных людях-революционерах,
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
Кто с детства был настойчивым в стремленьях
И беззаветно к цели шел своей.**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1971**

УОТ ТАЙЛЕР

Выпуск 20

Л.ТОМОВА

КРАСНЫЙ ВСАДНИК

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ■
■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ■
■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ■
■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ■

Историческая повесть Л. Томовой «Красный всадник» рассказывает о народном английском герое — Уоте Тайлере, первым в мрачную эпоху крепостничества поднявшем меч на угнетателей. До него Англия не знала подобных примеров. Начатая Тайлером борьба против феодального строя была завершена позднее — восстаниями Джона Кеда в 1450 году, Роберта Кета в 1549 году, революцией Кромвеля в 1640 году.

Основанное на большом историческом и познавательном материале, повествование раскрывает образ самоотверженного крестьянского вождя, выступающего за свободу и справедливость для всех, против всякого насилия, рисует грозные дни восстания 1381 года, раскаты которого, двинув историю вперед, докатились до наших дней.

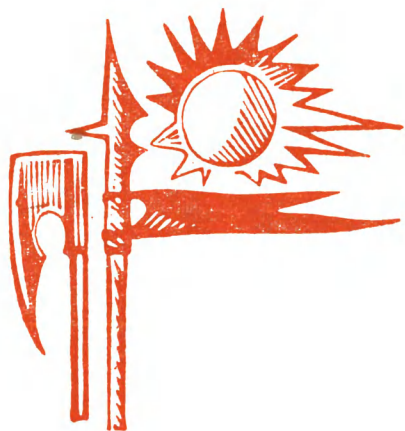
Повесть является художественным исследованием восстания, эпохи, характеров представителей разных слоев общества — простых крестьян, ремесленников, торговцев, сеньоров, священников, царедворцев.

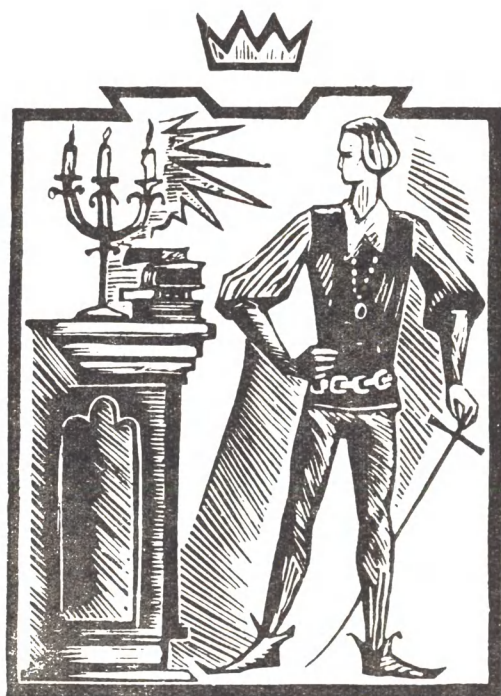
Научный редактор **Юрий МЕДВЕДЕВ**

Художник **Юлиан МАРКАРОВ**

В КАЖДОМ ВЕКЕ НАСТУПАЕТ ТАКОЯ ЧАС, КОГДА БЕДНЯКИ, НАХЛЕБАВШИСЬ ВДОСТАЛЬ ИЗ ЧАШИ НЕВЗГОД, ЧУВСТВУЮТ, ЧТО ГОЛОД В ИХ ИЗМУЧЕННОМ ТЕЛЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НЕ-НАВИСТЬ, И ЗАГОРАЮТСЯ ОСТРЫМ ЖЕЛАНИЕМ НАПОЛНИТЬ ПУСТОТУ СВОИХ ДНЕЙ ПРЕДСМЕРТНЫМИ ВОПЛЯМИ УГНЕТАТЕЛЕЙ. ТОГДА ПОДНИМАЮТ ГОЛОС МОЛЧАВШИЕ, ЗЛОЙ ГОЛОС РУЖЕЙ И КОС. ТОГДА БЕРУТСЯ ЗА УМ БЛАГОЧЕСТИВЫЕ И ПРОКЛИНАЮТ БОГА, ГОСПОД И БОГАЧЕЙ. И ОПРОКИНУТ ЛИ ОНИ РЕШЕТКИ, ПОМЕДЛИВ ПЕРЕД ПЫШНЫМИ ЧЕРТОГАМИ, ВОЗДВИГНУТЫМИ ИХ ЖЕ РУКАМИ, ВОРВУТСЯ ЛИ ВО ДВОРЕЦ И ПОРАЗЯТ ЛИ КИНЖАЛОМ СЫТОЕ СЕРДЦЕ ТИРАНА, ИЛИ ЖЕ ЕЩЕ РАЗ ДАДУТ ОБМАНУТЬ СЕБЯ КОВАРНОМУ ВРАГУ, КОТОРЫЙ ВЫБЬЕТ ИЗ ИХ РУК ОРУЖИЕ И УТОПИТ ИХ В ИХ ЖЕ КРОВИ, — ВСЕ РАВНО СВЯЩЕННАЯ НЕ-НАВИСТЬ БУДЕТ ЖИТЬ И В ПОТОМКАХ ОБМАНУТЫХ. А НА МЕСТО ПОБЕЖДЕННЫХ ВСТАНУТ НОВЫЕ БОЯЦЫ, ЧЕЙ ГОЛОС ПРОНИКНЕТ В САМУЮ УБОГУЮ ЛАЧУГУ, ЧЬЕ НЕДОВЕРИЕ БУДЕТ ГРОЗНЫМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ ЛЕГКОВЕРНЫМ, ЧЬЕ ПРЕЗРЕНИЕ БУДЕТ ПИТАТЬСЯ ЛЮБОВЬЮ К ОБЕЗДОЛЕННЫМ. ГОРЯЧА, КАК ЛАВА, ИХ НЕ-НАВИСТЬ, И ОНИ СГОРАЮТ В ЕЕ ОГНЕ, РЕДКО-РЕДКО ПЕРЕЖИВ ЧАС ПОБЕДЫ. ТЫСЯЧИ ИЗ НИХ ИСЧЕЗАЮТ В НЕИЗВЕСТНОСТИ, А ВЕДЬ ОНИ ПЕРЕДЕЛЫВАЮТ МИР! НЕ БУДЬ ИХ, НА ЗЕМЛЕ НЕ ОСТАЛОСЬ СЫ ЛЮБВИ. ЭТО ОНИ ПРИДАЮТ ВЕЛИЧИЕ САМЫМ БЕССЛАВНЫМ ВРЕМЕНАМ, ОНИ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЮТ ПРАВО ВОССТАНИЯ ГЛУБОЧАЙШЕМУ УГНЕТАНИЮ. МНОГИЕ ИЗ НИХ ДАВНО ЗАБЫТЫ, НО ИХ НЕ-НАВИСТЬ ЖИВЕТ В СЕРДЦАХ НАРОДА, А ВМЕСТЕ С НЕЮ — И ВЕРА В ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ.

ГУСТАВ РЕГЛЕР

— **НО Я НЕ ХОЧУ НИКАКИХ БУНТОВ...**
— **НА ЭТОТ РАЗ ОНИ ПОСТУПАЮТ
ПРОТИВ ВАШЕЙ ВОЛИ, ГОСУДАРЬ...**

Из «Велиной хартии вольностей»

«Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них» (статья 40).

Из крестьянских воззваний

«Джек Справедливый извещает вас, что ложь и коварство царствуют слишком долго».

орота с лязгом сомкнулись, пропустив во двор карету. Человек в надвинутом низко на глаза клетчатом капюшоне скрепил тяжелые створки железным засовом. Затем подошел к карете, открыл запыленную дверцу и помог выйти грузному вельможе в черном плаще. Поздоровавшись, приезжий направился к portalу напрямик по траве, минуя выложенную камнем дорожку. Дорожка шла около стен замка, окружавших двор с трех сторон.

Человек в капюшоне, шедший позади, тихо спросил приезжего:

- Когда назначить совет, Уильям?
- После полудня. Кто еще здесь в Виндзоре?
- Пока никого. Я приехал вчера.

Они проследовали через пустынный вестибюль в сумрачную анфиладу таких же пустынных покоев.

В небольшой комнате, окна которой почти упирались в серые камни крепостной стены, оба остановились.

— Герцог Ланкастерский не приедет. Так будет лучше. Ричарда подготовим мы, — сообщил приезжий.

— Не без особых на то усилий?

Приезжий усмехнулся и передал встречавшему пакет:

— Это ваше, Хелз. От герцога. Мир с Шотландией окупит все расходы.

Когда он сбросил плащ в кресло, свинцовая гладь настенного зеркала отразила золотые звезды мундира.

Его спутник поклонился и вышел. Через соседнюю комнату он попал в маленькую каморку. Обстановку ее составляли узкая скамья у стены и вплотную придвинутый к ней массивный стол. Здесь, тщательно прикрыв дверь, Хелз разорвал пакет. В нем лежали свернутое вчетверо письмо и шелковый мешочек, туго набитый монетами.

Хелз с трудом оттащил стол и пролез под ним в угол каморки. Вынул ключ из кармана плаща и острой зубчатой бородкой поддел одну из деревянных плиток пола. Она подалась и откинулась. Хелз разгреб мусор и стружки, нащупал крышку и замочное отверстие, сунул в него ключ, повернул. Под крышкой в ящике были сложены один к одному несколько мешочков с деньгами. Хелз положил туда еще один. Потом запер ящик, накрыл плитой и задвинул стол опять в угол. Ключ исчез в кармане.

Прочитав у мутного окошка письмо, Хелз поднял голову. Под капюшоном тускло блеснули глаза.

Короткие звенящие звуки доносились из углового зала — более светлого и просторного, чем остальные покои резиденции; его называли иногда «рыцарским».

Придворный в клетчатом капюшоне бесшумно сколь-

зил из одной гостиной в другую навстречу этим звукам. В кабинете, стены которого были обиты алым плюшем, он помедлил, прислушался. Затем нажал медную ручку высоких дверей, вошел в угловой зал и чуть не споткнулся о стоящее у самого входа бюро с черным распятием на краю крышки.

Спиной к нему, держа в руках по шпаге, стоял молодой человек в черной бархатной куртке и панталонах, левая половина которых была красной, а правая — синей. Так одевались в последнее время многие из знатных молодых людей.

В центре зала фехтовали двое. Крепкий коренастый мальчик с рыжеватыми кудрями беспрестанно наступал. Юноше, отбивавшему его удары, приходилось, видно, нелегко.

— Держите позицию, сэри! Крепче ноги! Крепче ноги! — выкрикивал нападающий.

Но юноша в атласном камзоле, стянувшем узкую спину, и белых кружевных чулках отступал.

«Что же это, ваше величество?..» — покачал головой вошедший придворный. Взглянув на распятие, он из-под плаща незаметно толкнул бюро кулаком. Распятие качнулось вперед, потом назад и повалилось на пол. Услышав грохот, нападающий поднял руку со шпагой. Миг стоил игры... В локоть ему вонзилось стальное острие.

— А-а, это вы, сэри Роберт Хелз? — сказал, оглянувшись, юноша в кружевных чулках. — Генри, подай мой носовой платок. Он на столе, в арабской шкатулке.

По щекам его струйками стекал пот, намокшие волосы, обхватывая выпуклый лоб, падали на тонкие брови.

— Простите, ваше величество, я нечаянно помешал игре, — поклонился Хелз.

— Вы не помешали. Скорее наоборот. Что, Джон, не позвать ли врача?

Джон стоял, отвернувшись, и сжимал рукою локоть. Меж пальцев сочились капельки крови. Молодой человек в бархатной куртке отбросил шпаги, подошел к нему и рванул сукно рукава.

— Не стоит беспокоиться, — сказал он, осмотрев рану, — всего лишь царапина.

Хелз поднял упавшее распятие и разглядывал его.

— Цело и невредимо, ваше величество. И все так же стоит пятьдесят фунтов, будьте уверены. Это говорит вам королевский казначей. И все так же готово выслушать любые ваши молитвы.

— Тогда я молю бога, — сказал Ричард, пытаюсь стащить с руки перчатку, — чтобы на сегодня заболел отец Рондел.

— Зачем же, ваше величество? Государю подобает знать историю. Знание прошлого помогает понять настоящее и указывает пути в будущее. Эта школа ничуть не хуже той, что вы проходите под руководством вашего брата Джона.

— Рыцарь д-должен уметь владеть шпагой прежде всего... И побеждать, как п-побеждал мой доблестный отец.

— Вы похожи на него, ваше величество... Чтобы быть великим королем, надо быть великим рыцарем, каким был ваш покойный отец.

Бледные щеки Ричарда чуть порозовели. Он посмотрел на Хелза, на обоих своих двоюродных братьев. Генри, низко склонив голову, завязывал платком руку Джона.

— Как видите, носовой платок, изобретенный мною, удобен и для ран. Следующий бой я назначаю на после-полудня. Что скажет на это брат, рожденный в Болингброке?

— Вы превзойдете всех рыцарей королевства, государь, — сказал Генри. — Отец мой не узнает вас, вернувшись из Шотландии.

— Когда обещает быть герцог?

— Не скоро, ваше величество, он слишком занят.

— Отцу Ронделу передайте, что я жду его в этом зале. Я вас прошу — сделайте это, Хелз.

Когда двери за Хелзом закрылись, король подошел к своему рабочему столу, где на одном конце стопами лежали толстые, переплетенные в итальянскую парчу книги, а на другом — возле шахматной доски стоял огромный желтый глобус.

Ричард опустил в кресло, положил на колени Ирландское Евангелие, подаренное матерью — принцессой Жанной Кентской, и бережно развернул его. Нежный орнамент зеленого, желтого и голубого цвета украшал страницы. Книга нравилась Ричарду, хотя и не была столь торжественна, как разрисованные французскими мастерами сочинения древних ученых — Платона *, ученика Сократа *, и Аристотеля *, ученика Платона, книги о Плинии * и Эпикуре *, толкователь снов Артемидора, одетая в белый бархат латинская грамматика Доната *.

Тихо удалились наконец из зала Джон и поддерживающий его под руку Генри.

Ричард раскрыл книгу и углубился в чтение.

— Проходите, отец Рондел, — раздался за спиной глухой голос Хелза.

Вслед за учителем и казначеем в зал вошел слуга. На подносе он держал чашу с пивом, в котором плавали кусочки яблока. Ричард с жадностью отпил из чаши и посмотрел, покривившись, на Рондела, худого старца

* См. примечания в конце книги.

с седыми бровями и глубокими морщинами на застывшем в отрешенности лице.

— Вы хорошо выглядите, ваше величество, — произнес монах.

— Благодарю и надеюсь, что ваше получасовое пребывание здесь не изменит этого впечатления.

— Очень жаль, ваше величество, что у вас сегодня мало времени... Мне хотелось рассказать о том, кто триста лет назад построил этот замок. О Вильгельме Завоевателе... *

— Я могу уйти, государь? — спросил Хелз.

— Конечно... Так что же было интересного в те далекие времена, над которыми не властна лучезарная наука о будущем — астрология? И да поможет нам Юпитер, покровитель мудрецов! — сказал Ричард, глубоко усаживаясь в кресло.

— Надеюсь, ваше величество, вы знаете, как давно известна Британия народам, населяющим землю. О ней рассказывали в своих сочинениях еще Геродот * и Юлий Цезарь *. Я уже упоминал древних жителей острова: иберийцев-земледельцев, кельтов-скотоводов, англов, саксов... Почти четыреста лет владел нашими землями Рим. Из-за них схватились при Гастингсе короли Гарольд Синезубый * и Вильгельм Завоеватель. Из-за них не раз жестоко дрались между собой бедняки-крестьяне. Но для того чтобы все привести в порядок и дать отпор всем врагам, нужна единая сильная власть. Ведь если каждый человек поодиночке станет пользоваться свободой, он может оказаться в беспомощном положении. Значит, нужно поступиться частью своей независимости и покориться воле, которая представляет волю всех, — покориться воле короля. — Монах вздохнул. — А теперь, если пожелаете, можете рассказать мне — для проверки памяти — о войнах Цезаря.

— Быть может, вы послушаете о борьбе несчастного короля Стефана * против жестокой Матильды *? В тот век было столько королей, сколько замков, и каждый король правил как хотел. Однако...—Ричард замолчал, подыскивая нужное слово.

— Однако всех их заменил один могущественный владыка, — закончил фразу за короля святой отец. — Я уже слышал все это от вас, ваше величество, в прошедший вторник. Тогда, насколько я помню, вы не знали, в чем заключается «Магна Карта» — «Великая хартия вольностей» Иоанна * и обещали заглянуть в нее.

— Разве я не знал? Расскажите-ка мне о ней.

— Я могу, конечно, еще раз... «Великая хартия вольностей» начинается так: «Иоанн, божьей милостью король Англии, сеньор Германии, герцог Нормандии и Аквитании и граф Анжу, архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, юстициариям, чинам малого ведомства, шерифам *, бейлифам *, слугам и всем должностным лицам и верным своим выразил привет...» Статья первая, и главная, гласит: «Церковь навсегда должна быть свободной и сохранять свои права и вольности». Тому, кто забывал об этом, сопутствовали неудачи. В больших трудах утверждал свою власть Генрих III. Этот король был бесстрашным в битвах, хотя, как рассказывают, чрезмерно чувствительным в мирных делах. Он мог, например, плакать, восхищаясь цветом покрашенного окна... Да... Но у нас нет времени! В конце прошлого столетия вступил на престол Эдуард I. Он никогда не правил без согласия парламента, ваше величество. При Эдуарде II дети в школах стали изучать свой родной язык, а не французский...

— Неплохо бы и нам последовать их примеру.

— Уже последовали, государь. Как известно, профес-

сор Уиклиф* немало поусердствовал, чтобы перевести на английский язык библию.

— Библия — это опять о прошлом. А что вы скажете о настоящем? Или о будущем?

— Настоящего нет, государь. Каждый миг настоящего — увы, уже прошедшее. А будущее, особенно для молодых, подсказывают звезды. Двадцатого мая светило покинуло созвездие Тельца и находится в созвездии двух Близнецов, рожденных от причуд Юпитера и Леды. Положение звезд сулит неуверенность и разброд.

— Кому?

— Всем, кто родится до двадцатого июня, ваше величество.

— Что говорят звезды моему рождению?

— В день светлого шестого января, государь, родятся под влиянием Единорога.

— В моем гербе, однако, лев. Он благороден и неусыпен: не смыкает глаз даже во сне. Кстати, царь зверей и рождается зрячим.

Звук рожка, донесшийся из столовой, возвестил о приблизившемся часе обеда.

— Ваше величество, прикажете подавать? — спросил вошедший в зал мажордом*.

— Уже пора? Урок закончен, отец Рондел.

— Подчиняюсь, государь. Ведь Homo Dei хоть и в царской короне, но должен ежедневно принимать пищу не менее трех раз.

Ричард сделал нетерпеливый жест.

— А на досуге, ваше величество, — продолжал старец, — я посоветовал бы вам эти латинские слова написать на листке и взглянуть в них. Вы заметите, что даже в начертаниях букв видится их святой смысл: «Че-

ловек божий»... — Рондел поднял палец. — До следующего вторника, государь!

— Прощайте! А вас, мажордом, я попрошу накрыть стол в этом зале. Кто приглашен к обеду?

— Граф Солсбери, сэр Джон, сэр Генри и миссис Перрерс, государь.

Ричард обошел кресло и скрылся за ним, в маленькой двери. Она вела к внутренним королевским покоем замка.

В высокие двери напротив слуги внесли белую шелестящую скатерть и накрыли ею стол у окна. Затем начали расставлять кушанья и приборы. Сквозь серебряные крышки чаш и соусников пробились в зал аппетитные запахи. Стол увенчало блюдо с жареным павлиньим мясом.

Из двери, почти не видной за креслом, показался король. На нем были белый, шитый у ворота серебром камзол и белые остроносые туфли. За ним следовал Хелз.

Мажордом объявил о приходе гостей — и в зал гордо вступил блестящий рыцарь — граф Уильям Солсбери. За ним чинно проплыла по ковровой дорожке миссис Алиса Перрерс. Подчеркнуто изящны были движения леди, позволившей себе надеть платье с длинным, как у герцогини, серым шлейфом. Вышитые шелком концы пояса волочились по полу. В седых пышных волосах матово поблескивали нити голубого жемчуга. Она отвесила королю церемонный поклон и прошла к столу.

Вошли Джон и Генри. На этот раз одна половина панталон у Генри была зеленой, другая — лиловой.

Ответив на приветствия, Ричард жестом пригласил гостей рассаживаться.

— Как остроумно с вашей стороны, государь, устра-

ивать обед в рыцарском зале, — произнесла миссис Перрерс.

— Парадные трапезы утомляют, господа. Сегодня скромно пообедаем здесь. А после отдыха...

— Турнир и конная прогулка в рощу, — подсказал Генри.

— Турнир, наверное, будет не хуже плясок вчерашних итальянских танцовщиц, — продолжала нараспев леди.

— Жаль, не открыт еще сезон охоты.

Миссис Перрерс просияла:

— Ваше величество, вы собираетесь охотиться? Лес от одного вашего присутствия зазеленеет. И небо будет ясным, как на той прелестной картине, что привезли ганзейские купцы из Новгорода. Один из них подарил мне браслет...

В этот момент высокие двери зала вдруг со стуком распахнулись. И без доклада, гремя шпорами и шпагами, в зал вошли лорды. Они были чем-то встревожены.

Все за столом повернулись в их сторону. Ричард возпросительно поднял глаза, зажав в руке нож.

Хелз встал.

— Чем вызван ваш внезапный приход, господа? — спросил он.

— Пусть вам поведает дурные вести Джон Лег! Он верный ваш сержант, милорд. То, что он должен сообщить, не терпит промедления!

— Жаль, нет здесь отца! Он бы наглецов выдворил! — пробормотал Генри Болингброк.

Хелз с досадой бросил на стол скомканную салфетку. Ричард положил нож и сказал:

— Я слушаю.

— О государы! — Сержант Джон Лег, в пыльном,

разорванном плаще, с растрепанными волосами, упал на колени. — Меня сожгли вчера!..

— Однако же он жив, не правда ль? — Джон, забывшись, толкнул локтем Генри и тут же скривился от боли.

— Все имение пропало! — продолжал Лег. — Дом, дворы... Церковь сгорела. Проклятие разбойникам! У-у!.. Вот я весь перед вами. Все сгорело — вплоть до крепостных списков. И даже то, что меня зовут Джон Лег, теперь не сразу докажешь...

— Что еще сообщишь?

— Еще скажу, что имение Роберта Хелза, государь, тоже сгорело.

— Не путаешь ли ты, сержант?

— Сожгли его дотла, ваше величество. Сбежавший из Брентвуда чиновник рассказал.

Ничто не изменилось в тусклых глазах Хелза. Лишь губы сжались.

— Кто совершил такое? — спросил Ричард.

— Крестьяне. Они кричали, государь, что жгут господские имения во имя справедливости, обещанной им «Великой хартией вольностей» Иоанна.

— Зачем ты ко мне пришел?

— Мы привели его, ваше величество, — сказал один из лордов. — То, что рассказал сержант, еще не все. В огне усадьбы всего Кента, государь! Эссекс тоже горит!..

— Вечно алчущая свора рабов, наверное, давно забыла уроки Лициния Красса *! — подняла очи к небу миссис Перрерс.

— Чем ты успел прогневить бога, Лег? — спросил граф Солсбери.

— Ваше величество, я чист перед творцом. Точно так же, я верю, чист и сэр Роберт Хелз. Бунтовщикам-то что до этого!

Ричард посмотрел на остывшее в тарелке мясо, на нетронутый кубок с вином, перевел взгляд на графа Солсбери, тоже вставшего со своего стула.

— Но... я не хочу никаких бунтов.

— На этот раз они поступают против вашей воли, государь, — поклонился королю Солсбери.

Прозрачные восковые капли катились по желтым бокам свечей и застывали мутнея. Колеблемые дыханием, два язычка пламени освещали середину круглого стола, покрытого темно-красным плюшем, таким же, как на стенах, с трудом вырывали из глубины кабинета позолоту камина. Возле него в низком кресле сидел Ричард. Уставившись на острые носки своих туфель, он ждал вместе с другими собравшимися здесь членами Королевского совета лорда Уильяма Латимера. Хелз объявил, что Латимер прибыл сегодня из Эдинбурга от герцога Ланкастерского с важными указаниями. Тишину кабинета нарушало только тиканье часов в высоком деревянном футляре.

Роберт Хелз сидел боком к Ричарду и смотрел на огонь свечей.

Граф Солсбери что-то сосредоточенно чертил сухим пером по ворсистой скатерти.

Епископ Фордгэм, хранитель королевской печати, восседал, опершись щекой о руку с массивным бриллиантовым перстнем на указательном пальце.

Величественно возвышался между двумя политическими советниками пышноусый герцог Йоркский — Эдмунд Ленгли, дядя короля.

Часы пробили пять раз.

Никто не сдвинулся с места. Ни один мускул не шевельнулся на лицах лордов.

Дверь кабинета открылась. На пороге стоял Уильям Латимер. После негромких приветствий он опустился в оставленное для него кресло под часами и оглядел собравшихся. Затем, едва разжимая губы, заговорил:

— Я вижу в присутствующих не только короля и членов Королевского совета. Здесь собрались доблестные воины... Среди нас нет сегодня Джона Гонта. Он заключает в Эдинбурге мир с королем Шотландии. Но три дня назад я разговаривал с ним. Это он послал меня в Виндзор сказать, что думает и беспокоится о нас и что мечи наши мы должны по-прежнему держать наготове. Война, начатая Эдуардом Третьим, не кончилась, и свет победы при Креси* не должен гаснуть. Граф Солсбери, вы помните, надеюсь, эту битву не хуже той, при Пуатье*, где вы командовали армией.

— Да, лорд, это была последняя наша победа накануне целого ряда поражений и неудач в течение двадцати пяти лет.

— Чтобы неудач больше не было, нужно иметь много денег, как любит повторять старый финансовый волк Ричард Лайонс. А наши деньги — это шерсть, это сорок пять сортов шерсти. Фландрия остается лучшим рынком. И мы ее не отдадим, так же как и путь туда — цветущую Гасконь. Однако наши гарнизоны в Креси, Шербуре, Бресте и армию вашего дяди, государь, надо содержать, выплачивать им жалованье. Четырехмесячная экспедиция Букингэма в Бретань, как ни печально, провалилась, и от этого сумма необходимых королевству денег только увеличилась. Разуверившись в наших воинских способностях, парламент предложил собрать шестнадцать тысяч фунтов стерлингов мирным путем, объявив в ноябре прошлого года налог. Одну треть суммы согласилась дать церковь. Остальное должны выплатить крестьяне. Чтобы быть справедливыми и облегчить

им выплату, мы разделили налог на три срока. Две трети нужно было собрать в январе, одну треть — в июне...

— К чему вы это говорите, Латимер? — спросил Ричард.

— Англия в очень тяжелом положении, государь.

— Что думает королевский казначей? — спросил, не поворачивая головы, Ричард.

— Королевству нужны деньги, ваше величество. Королю нужна армия, а ее нет. Отряды, которые имеются у лордов, немногочисленны, разрознены и не подготовлены. При создавшейся ситуации...

— Какой ситуации?

— Угрозы со стороны бунтующих крестьян, о которой сообщил Джон Лег.

— Джон Лег пострадал не просто так, — вмешался епископ Фордгэм. — Крестьяне знают, что именно он предложил в марте указ о новом составе комиссии для строжайшего расследования налоговых списков в графствах. Его не любят...

— Так это месть, по-вашему?

— Чернь завистлива и ненасытна, государь. Солон *, прощающий долги, ей необходим каждый год, а не раз в две тысячи лет, — сказал казначей.

— К тому же чернь ужасно ленива, — добавил, зев-

нув, Эдмунд Ленгли.— А лень всегда ограждается мошенничеством.

— И этому есть немало примеров,— продолжал Латимер. — В Норфолке восемь тысяч мошенников не внесли в налоговые списки имена своих жен, чтобы не платить за них. В графстве Саффолк обнаружено тринадцать тысяч пропущенных имен. Комиссия, посланная в графство Эссекс, нашла, что не попала в списки половина населения.

— Виновных наказали, но крестьян этим не образумили. Более того, все члены комиссии были обезглавлены! — сказал Хелз.

— И эти люди еще требуют справедливости! — возмущился Эдмунд Ленгли.

— Вы не знаете, как поступить с разбойниками?! — удивился Ричард.

— Позвольте, государь, предостеречь вас, — сказал граф Солсбери. — Чернь может быть опасна. Вспомним французскую Жакерию *, когда крестьяне принялись резать лордов. Эти люди слишком тупы, чтобы понять, в чем истинные интересы государства.

— Но своего Гильома Каля * у нас нет, — сказал епископ, — и, я надеюсь, не может быть. После того как этому негодяю надели на голову раскаленный докрасна треножник и ввели на эшафот, вряд ли кто захочет подстрекать крестьян.

— Он был смелый...

— Да, ваше величество. И дважды смелым должен быть тот, кто решится без страха повторить его судьбу.

— Так что вы предлагаете? — спросил Ричард.

— Пока нет Джона Гонта, слушать нас, ваше величество,— с трудом выдавил улыбку лорд Латимер.— И ничего не предпринимать без Королевского совета.

— Тогда пусть скажет совет, — медленно произнес Ричард, — что надо делать человеку, когда он устанет.

— Уставшему да поможет отдых, государь.

— Ну что ж, я вас послушаюсь.

Ричард встал и, чуть покачнувшись, направился к двери. Лорды недоуменно переглядывались. У двери Ричард поднял указательный палец и громко прошептал:

— *Sic volo, sic jubeo!*

Потом толкнул дверь ладонями и вышел.

— Он что-то молвил? — спросил Ленгли.

— В десяток латинских фраз, знакомых мне, эта не входит, — сказал Хелз.

— Он сказал: «Так хочу, так велю!» — пояснил Солсбери. — Латынь доступна не всем, и с цифрами воистину несовместима.

Хелз встал.

— Придется пожелать вам, господа, спокойной ночи. Государственные дела столь тяжки, что, как видите, могут быстро утомить. Но выдержка пусть вам и впредь не изменяет. Лорд Латимер, спасибо за речь, которая, дай бог, послужит просветленью государя. Ему идет уже пятнадцатый год. И недалек день, когда Джон Гонт сложит свое опекунство. Вершить делами будет король Англии — Ричард Второй! Прощайте!

Не зажигая огня, Ричард прошел по темному коридору и отворил дверь спальни. Пахнуло застоявшимся воздухом непроветриваемого помещения и утренними притираниями. Ричард подошел к чуть синееющему в нише окну, нащупал на стуле мех рысей шкуры и сел, запустив руку в скользкие ворсинки.

От легкого стука он вздрогнул. Дверь открылась. Со свечой в спальню вошла миссис Перрерс.

— Вы звали меня, кажется, государь? Я пришла.

— Не говорите, сударыня. Сядьте вот здесь со мною и немного помолчите.

— Как вам угодно, государь.

Миссис Перрерс поставила свечу на подоконник и опустила у ног Ричарда на пол.

— Неплохо было б вам сейчас побеседовать с подушкой, государь, — сказала Алиса.

— Припоминаю я, как моя няня Миндана, укладывая меня спать, каждый вечер рассказывала что-нибудь забавное. Чтобы наутро я вставал в хорошем настроении. Теперь об этом никто не заботится.

— Я не знаю ничего забавного, государь. Разве только песенки моей маленькой вышивальщицы: «Ля-ля, ля-ля, я жду тебя...» — Она слегка тронула пальцем струны прислоненной к ножке стула лютни. — Впрочем... я могу рассказать вам историю, которую слышала еще девочкой от одного аббата...

Ричард сбросил на пол свои длинноносые туфли и забрался с ногами на шкуру.

— Давно это было. Правил богатой страной Мессенией царь Кресфонт. Была у него красавица жена по имени Меропа и трое сыновей. Но успех обычно рождает зависть. А власть манит. Несладко спалось другу Кресфонта, терзали его по ночам черные мысли. Считал себя он достойнее Кресфонта. И кончил тем, что тайно убил царя и его старших сыновей. Сам стал правителем Мессении, женился на вдове царя. Младшего сына, Телефонта, она отослала в другую страну, подальше от тирана. Мальчик вырос. Однажды в полночь, ни разу не лязгнув железными доспехами, к нему явилась тень Кресфонта и поведала правду о тиране.

Телефонт поклялся отомстить за отца и поруганную

мать. Он вернулся в Мессению, встретился с Меропой и рассказал ей о призраке отца. Меропа обещала помочь, а сама предупредила мужа о возвращении Телефонта. И тиран убил младшего сына царя, поднявшего меч не окрепшею еще рукой и ведомого только знанием истины, не жизни... И верно говорят: тот, кто сильнее, тот король, а правда не всегда укажет надежный путь...

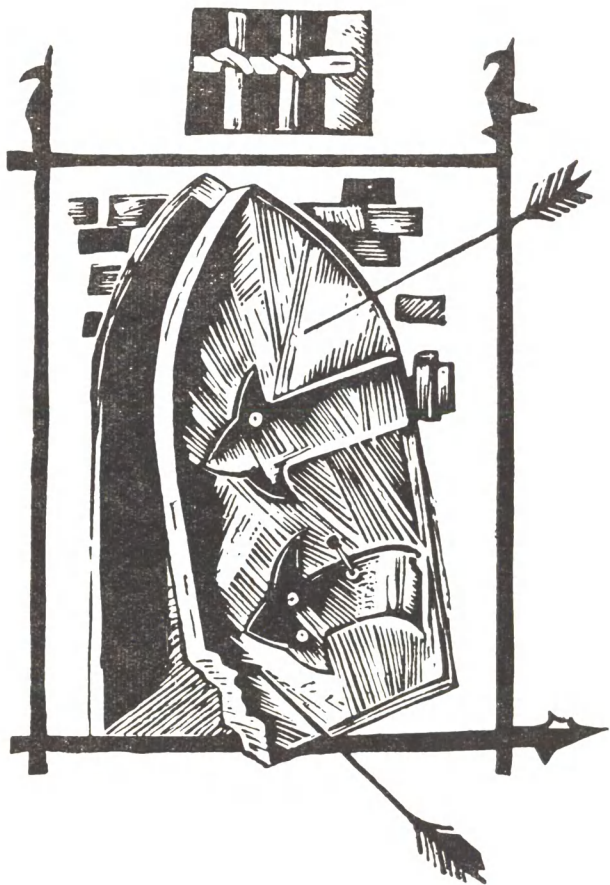
— Я слышал это, но конец был другой. Телефонт погиб, а перед смертью успел ударить мечом тирана в сердце. Мне Чосер* рассказывал, читал он много греческих писателей. Где он сейчас?

— Наверное, в Тауэре.

— Давно я его не видел. Хотелось бы попасть в его библиотеку, перечитать старые стихи. Может быть, он даст мне и новые сонеты своего друга — Томаса Гауэра*. К тому же я должен вернуть трактат об утешении души философией. А это не худшая из многих книг библиотеки Чосера.

— Мы скоро будем в Тауэре. Но ваша матушка... Ах, не случилось бы с ней чего по дороге из Кентербери! Вы слышали о мятеже...

— И вы тоже говорите мне о нем. Идите. Я устал.

— ВЫ ЗА КОГО!
— ЗА КОРОЛЯ РИЧАРДА
И ЕГО ВЕРНЫЕ ОБЩИНЫ!

Из «Великой хартии вольностей»

«Ни один свободный человек не может быть арестован, или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору его пэров*, и по закону страны» (статья 39).

Из старинной английской поэмы

«Народ находится в такой нужде, что он ничего больше не может дать.
Я думаю, что, если бы у него был вождь, народ восстал бы».

Заснуть было невозможно. Единственное окошко, в которое едва пролезал кулак Джеймса, не давало ни воздуха, ни света. Люди сидели, изнеможенно привалясь к шершавым стенам, и старались не шевелиться: от малейшего движения духота, казалось, становилась гуще.

В тишине слышалось дыхание каждого. Протяжно вздыхал Джон, рыбак. Натужно дышал в углу виллан* Бен, не сказавший за эти дни ни слова. Похрустывала соломой где-то возле окошка — это ворочался с боку на бок кузнец Эндрю из Стенфорда. А Боб сидит у двери и, наверное, скалит в темноте свои белые зубы. Он ведь не может не улыбаться.

Замерли снаружи шаги стражника. И ничего не осталось совсем, кроме обволакивающей черноты да еще далекого, еле уловимого кваканья лягушек...

...В тот четверг, когда приехала комиссия, Джеймс косил у поймища Трех Диков — трех братьев, перессорившихся когда-то насмерть из-за этого крошечного кусочка земли. Здесь всегда такая сочная ранняя трава, что не надо смачивать брус, затачивая косу. Прохладный сок прыскает из нее вслед за фонтанчиками разлетающихся в стороны кузнечиков. Говорят, нигде нет такой яркой зелени, как в Англии. Это от приносимых южными ветрами дождей.

Зимой, в феврале, Джеймс отдал королевским сборщикам три грота*. За последние четыре года это уже третий налог, помимо всех других поборов, и притом самый тяжелый. Вначале платили один грот, а он, как ни мал, но стоит двух суток черной работы. А теперь целых три грота с каждого крестьянина старше пятнадцати лет. Правда, в указе говорится: богатые да помогут бедным — внесут за них часть денег. Ну, а если в деревне все бедны? Кто кому поможет?..

Потом захворал Питер. Бедный мальчуган. А в доме Волленов гулко от пустых горшков. Жена осталась ухаживать за сыном, не пошла таскать навоз на господскую землю. В поле вышел один Джеймс. Барон Барт согласился заменить долги Волленов барщиной. И впрямь господам недоставало рабочих рук после проклятой чумы.

В прошлом году, когда Джеймс снял урожай со своего надела, барон взял с него за помол в три раза дороже, чем обычно, а продал муку Джеймс почти в два раза дешевле. Денег едва хватило, чтобы заплатить двадцатую часть королю и десятину церкви. А за долг ба-

рону Джеймс поплатился землей. Не пришлось попробовать и копченого окорока: поросенка пришлось продать, чтобы купить овсяной муки.

В счет будущих двух акров земли под ренту Джеймс и взялся отработать барщину еще самой ранней весной, еще задолго до того, как в небе запели жаворонки. Две недели, понукая пегую лошаденку, которую одолжил ему сосед-рыбак Джон Пейдж, вспахивал Джеймс жирную баронскую землю. Приказчик зорко следил, чтобы к концу дня было вспахано не меньше акра. А уж этот господский слуга, будьте уверены, умел содрать с одного вола две шкуры.

Вновь нагрянули сборщики. Пришли в хижину Джеймса. Увидели четыре бревенчатых стены, земляной пол, холодный котел над треножником, несколько иступившихся лемехов возле порога; и по всему дому — на полках — деревянные бирки * с зарубками... Выручил общинный староста — пекарь Томас Бекер. Сказал, что Джеймс, как полагается, включен в списки и уже отдал свою часть.

Вот так дожили до теплых дней. Пригрело солнце. Поправился Питер. Еще немного — и они увидели бы на столе теплую краюху пшеничного хлеба, купленную у Бекера. И опять порозовели бы щеки Клеменс, опять посадила бы она под окошками цветную капусту и все лето поливала бы и окапывала ее...

Но вот тогда-то, у Трех Диков, когда до плетня оставался только взмах, Джеймс услышал крик Клеменс: «Отец, отец! Опять они...», — и увидел ее белый платок, мелькнувший на другом берегу. Джеймс взял лодку, осторожно, чтобы не задеть рыбацких колышков, переплыл реку.

— Они ждут тебя, отец...

Джеймс подошел к дому, перепрыгнул канаву, заме-

нявшую забор. У дверей он увидел вооруженных копиями охранников.

В стороне стояли жена, Питер, два сына Джона Пейджа и его малыш-внучка в рубашке, вздернувшейся до подбородка. Девочка испуганно прижимала к себе деревянного козленка.

Серdito буркнув: «Ну наконец-то», — охранники окружили Джеймса и велели идти к телеге. Там уже сидели староста Бекер и другие поселяне. Долго потом звучал в ушах крик жены, бежавшей по пыльной дороге вслед за телегой:

— Джеймс! Куда же ты-ы-ы?!

Их привезли в Брентвуд. В доме старосты, где заседала комиссия по расследованию налоговых списков, на столе лежали стопы бумаг. За ними едва виднелась лысина председателя. Около него стояли трое чиновников.

У противоположной стены Джеймс увидел несколько босых крестьян в длинных рубахах. Он узнал среди них рыжего Эндрю, кузнеца из Стенфорда, который изготовлял такие крепкие гвозди, что они славились по всем деревням графства.

— Имя и фамилия! — выкрикнул председатель.

— Джеймс Воллен, ваша милость.

— Из какой деревни?

— Из Фоббинга, ваша милость.

— Сколько человек в твоей семье?

— Четверо. Кроме меня — жена, сын и дочь.

— Сколько лет сыну?

— Четырнадцать, если вам угодно.

— Дочери?

— Шестнадцать.

— Итого три шиллинга, или девять гровов. Почему же ты, Джеймс Воллен, уклонился от королевского налога?

Почему твоей жены и дочери нет в списках, представленных в Палату шахматной доски?

Почему их нет в списках, представленных в одну из судебных палат? Почему он не может уплатить всех денег? Что ответишь?..

Разве расскажешь о высохших руках жены, о больном Питере, о голодной дочери? Разве они поймут, что когда нечего есть, тогда не до королевских законов? Разве расскажешь им, что приказчик не дает крестьянину ни минуты передышки от зари до зари? Что с каждой неделей растет гора бирок с засеченными на них штрафами? Что барон Барт забрал у Волленов все заработанное ими за прошедшие годы? Что они задолжали барону на много лет вперед? Жаловаться слугам короля на таких же слуг короля? Бесполезно. Это Джеймс знал: недаром седина выбелила ему виски. И он махнул рукой:

— К чему объяснять? Это все равно, что пытаться вспахать песок.

— Да как ты смеешь?! — вскочил со своего места председатель. — Мало того что он обманул его величество короля, — он выражает непочтение комиссии, которой поручено собрать недостающие казне деньги. Под стражу мерзавца! И этих тоже! Пусть знают, как составлять налоговые списки! Пусть знают, что такое королевская комиссия! Они здесь все заговорщики! Судить их!

Один из чиновников низко поклонился.

— Куда их прикажете, господин председатель?

— В сарай. В Баркинг.

— Но там уже сидят крестьяне из Керрингэма. Другого свободного сарая у баронов нет.

— Потеснятся. Жалкие скоты! — председатель бросил в чернильницу перо и вытер рукой пот, выступивший на красной лысине. — На сегодня хватит...

Уже девятую ночь сидит Джеймс в грязном темном сарае и с ним семеро вилланов из окрестных деревень. Их должен судить Суд королевской скамьи*. Пощады не будет. Королевству нужны деньги. И если у тебя их нет — ты враг его величества короля.

— Ты что бормочешь? — сказал кто-то рядом. Кажется, Томас Бекер.

— Еще неизвестно, кто из нас скоты, — произнес Джеймс запоздалый ответ председателю. — Ий-ех! — Он с хрустом сжал пальцы.

— Тише, разбудите того... за стеной, — слышался голос.

— Это ты, Джон?

— Нет, немножко не разглядел. Я Вилль, из Керрингэма.

— Братцы, а вы знаете, я и в темноте научился видеть. Как кошка. Всех вижу, — раздался голос Боба Мока.

— Тебе твои зубы подсвечивают.

— А ты раскрой пошире рот, может, и тебе светлее станет.

— Тише, вы, — опять слышался голос Вилля.

— И за что только тебя, такого тихого, посадили?

— Скоро всех рассудят, и я узнаю, за что.

— Чтоб пусто было этим господам! — проворчал Джон Пейдж. — А за что ты сидишь, Бен? Сидишь и молчишь.

— За что сижу, спрашиваешь? За разбой.

— Господи, кого здесь только нет! Спаси наши души!

— Я ударил сборщика. Думаешь, его послал король Ричард? Король не мог разрешить такого. Это все другой король — кастильский, Джон Гонт. Он обманул Ричарда и прислал за деньгами комиссию.

С минуту все молчали.

— И я его убил... убил бы, если бы нашлись такие, кто меня поддержал.

Опять тишина.

— Он вернулся к нам собирать недоимки. И получил.

За стеной, противоположной к двери, послышался шорох. Затем что-то хрустнуло внизу и зашелестело наверху, у оконного отверстия.

— Постойте, братцы. Мне на голову шлепнулось... — раздался голос Эндрю.

Все задвигались, зашуршали соломой.

— Ну что ты тянешь?

— Подожди ты. Пахнет вкусно.

— Я же говорил, что-то должно случиться. Все чудеса длятся девять дней. Значит, на девятый день всегда можно ждать самого главного чуда, — обрадованно сказал Вилль.

— Не будет ошибкой заметить, что это сыр, — продолжал Боб, — и еще — краюха хлеба. И еще — кусочек кремня... А это, быюсь об заклад, копченая колбаска.

— Э, отпусти мой палец, парень.

— Кто бы мог подбросить это угощение? Да еще в платке?

— Дай-ка сюда, Эндрю.

Платок пошел по рукам. Его ощупывали и обнюхивали.

— Клянусь богом, он пахнет волосами моей Сибилии.

— Если она мажет голову простоквашей, то ты, Вилль, не ошибся.

— Прочисти свой нос! Здесь пахнет козьим сыром.

Джеймс долго держал в руках тяжелую шелковистую ткань. Эх, взглянуть бы на узор! Сердце подсказывало, что это могла быть и Клеменс.

— Ладно, к делу, вилланы. Дели, Эндрю, то, что ниспослано сверху. Мы верим тебе. Никого не обидишь.

— Братцы, а колбаса все же есть. Жирненькая. Ты, Боб, не ошибся.

Эндрю выбил из кремня огонек.

— Это свечка! Кусок тростниковой свечки! — вскричал Боб. — Живем еще!..

Трепещущий огонек осветил сарай, бросил дрожащие блики на черные балки под крышей, на изможденные лица. Заморенные бессонницей и духотой люди оглядывали друг друга. Только рыбак Тоби Снейк, щурясь, смотрел на хлеб с сыром.

— Я думаю, это не лишняя добавка к бобовым лепешкам и кувшину воды, которые пропихивают сюда через кошачий лаз... — сказал он и злобно пнул дверь с маленьким отверстием внизу.

Эндрю наконец пристроил свечу к щепке, отставшей от стены.

Когда все было съедено, узники растянулись на остатках соломы, старательно перетряхнув ее и положив побольше под голову.

В наступившей тишине раздался приглушенный голос Эндрю.

— Один наш парень ходил по субботам в Колчестер. Потом возвращался и рассказывал, что там слышал. Город частенько посещали странствующие монахи и говорили очень непохожее на то, что проповедуют бароны. Они говорили: бог создал людей равными и все на земле принадлежит каждому живущему. И если ты работаешь, то должен за свой труд иметь столько же, сколько имеет твой господин. Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда господином?

— Что, что ты сказал?

— Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был господином? Но это не я сказал. Это сказал священник, по имени Джон Болл.

— Я не знаю Джона Болла, — сказал Джеймс, — но он, видно, знает меня, если знает то, что я думаю.

— Не верю священникам, все они жмоты и выжижки, — махнул рукой Боб Мок.

— Джон Болл — особенный священник.

— А ты расскажи о нем.

— И расскажу, если хочешь. Как-то мы повели с братом козу на продажу в Смитсфильд... Там, хоть это и далеко, дают лучше, чем у нас в Эссексе. И кое-что остается себе, даже после пошлины сеньору... *А коза была — загляденье: рога длинные, спина прямая, копытца крепенькие... К нам на постоялом дворе подошел человек, похлопал ее по крестцу, посмотрел в зубы, а потом тихо так говорит, что, мол, недалеко отсюда начнется необыкновенная проповедь, которой мы никогда не слышали, и не хотим ли мы туда пойти. Мы решили, что он обвести нас хочет, но он клянется, говорит: с вами пойду. Мы накрепко привязали козу около конюшни и пошли к сеновалу. Там уже было много народу. И Джон Болл был там. И вот что он сказал: мы все, говорит, на земле забыли, что бог создал нас равными... И мы так же хотим есть по утрам, как и наши сеньоры, а зимой мы тоже, как наши сеньоры, не прочь надеть теплые туфли и плащ, подбитый мехом. Но у нас, кроме желудков, оказывается, ничего нет. Так он говорил. А ведь и у моего отца тоже ничего не было. После его смерти семье даже нечего было терять в пользу сеньора *. Моего деда, когда он был молод, забрала «черная смерть» вместе с доброй половиной других англичан. Сейчас мой сын очень похож на своего прадеда. Ему девять лет. Но что его ждет? Или черная смерть, или черная жизнь?..

— А Джон Болл?..

— Он сказал тогда, что триста лет прошло, как Виль-

гельм закрепостил общины, что никогда в Англии не будет хорошей жизни, пока все имущество не станет общим, пока существуют господа. И есть смелые и честные люди, которые это понимают и готовы спросить у тех, кого мы называем лордами: по какому праву они считают себя знатнее нас? За какие заслуги? Почему они держат нас в рабстве? Не пора ли сделать общины свободными?

— Э-э!.. Зачем решать за бога? — сказал Вилль. — Раз бог постановил, что я, Вилль Грим, должен работать, и не заметил, что за это я ничего не получаю, значит, он не хотел этого замечать.

— Не знаю, как кто, а я еще во Франции проверил, что метко пущенная стрела одинаково валит с ног и крестьянина и дворянина, что у меня такие же твердые руки, как у рыцаря, — продолжал Эндрью. — Они неплохо держали лук. Наши стрелы пробивали кольчуги французов на расстоянии в тысячу футов. И пробивали совсем не потому, что нам помогали серебряные ладанки на шее...

— Скажи нам, Вилль, сколько твоих овец выбегает по утрам в поле? — задумчиво произнес Джеймс.

— Не так много. Четыре овцы и один баран.

— По теперешним временам немало. А сколько земли у тебя?

— Шесть акров. И за это я плачу шесть шиллингов в год. Да еще на осеннюю помощь * ставлю одного человека. А на рождество несу сеньору двух кур, на пасху — двадцать яиц...

— А кто ведет все твое хозяйство, пока ты здесь? Вилль проглотил слюну.

— За него работает сеньор! Ведь он поработал на сеньора, — засмеялся Боб.

— Зубоскал неумный! — огрызнулся Вилль.

— А кто заберет твоего красавца барана, если, не дай бог, тебя казнят? — спросил Эндрю.

— Все тот же сеньор, — сказал Джон Пейдж.

— И аббат, чернильная его муть! — подсказал Боб.

— Не говорите так. Священники — душа, король — голова, дворяне — руки, а крестьяне — ноги...

— Ничего себе. Какие же мы ноги? — хмыкнул пастух.

— Мы... скорее пасечники. Пасечники, которые не могут собрать мед со своих ульев. Мы мельники, за столом которых не бывает хлеба. Мы пастухи, которые никогда не едят баранины. Мы рыбаки, которые никогда не жарят рыбу... — проговорил Джеймс.

— Лошадь нашего барона пожрала мой овес на корню, а его гончая переломила хребет моей овце. Кого же винить?.. — спросил Джон Пейдж.

— Не лучше ли поговорить о чем-нибудь другом? К чему травить себя тяжкими мыслями? Еще неизвестно, кто несчастнее — страдающий от несправедливости или совершающий ее, — сказал Тоби Снейк.

Все замолчали.

— Хотите, я вам расскажу одну басню? У меня она давно вертится на языке, — предложил Боб.

— Ты расскажи, только не очень смешную. А то наш хохот разбудит стража. Угощать его будет нечем.

— Вон у Бена остался хлеб.

Старый Бен сидел по-прежнему молча. На коленях его лежал кусочек хлеба.

Боб подкрался к нему и заглянул в глаза.

— Ты меня слышишь, дружище?

— Слышу, парень. Ты ведь не только скалиться умеешь, а? Посвети-ка.

Боб отлепил от стены огарок и поднес его Бену.

Тот вытянул вперед руки ладонями вверх, и все увидели уродливые багровые рубцы.

— Вот как учат всякого, кто забывает заповедь: виллан всегда виноват, а сеньор всегда прав. В ранней молодости я не знал этого. Когда мне староста выдал три мешка гнилого овса вперемешку с хорошим, я отказался сеять его на земле сеньора. Староста настаивал, и я сказал об этом управляющему. А через некоторое время сеньор подал на меня в суд: будто бы я четыре пятницы уклонялся от работ на господском поле. Как я мог доказать, что это неправда? Как я мог доказать, что староста продавал на рынке хороший овес и денежки клал в карман? На суде этот изверг кричал, что я все выдумал об овсе, чтобы отомстить ему... — Бен тыльной стороной ладони потер лоб. — Тогда решили отдать меня ордалии — суду раскаленного докрасна железа. Я должен был взять кусок железа руками и пройти с ним три шага. Я взял и прошел... Меня оправдали. Оправдали, поскольку наш священник, к которому я ходил окапывать ранет, пожалел меня. Через три дня он объявил суду, что раны удивительно быстро зажили. А какой я теперь работник? Даже с барщиной не справляюсь... Э, нет ли в том платке квинты эля*?

— Однажды такое уже было, — заметил Боб.

— Что ты опять выдумываешь?

— Разве ты не знаешь? В одном лесу медведь судил волка и лису за разбой. А растерзал осла, щипавшего только траву. Волк и лиса дали медведю часть своей добычи. А бедняк осел сплоховал...

— А ты еще что-нибудь, кроме басен, знаешь?

— Может, рассказать сказку?

— Расскажи, Боб, хоть и сказку. Время пройдет незаметнее.

Боб уселся на соломе, скрестил ноги, как мусульманин, и начал:

— Ну что ж... Было это почти триста лет назад, и далеко отсюда — на севере Франции. Правил городом Лана, злой и жадный епископ. А жили в том городе искусные мастера. Всё они умели делать. Жили мастера, поживали и наконец уразумели: сила в их руках необыкновенная. И спросили они сами себя: до каких пор труды этих чудесных рук будут попадать в пухлые руки сеньора? Да и для чего вообще сеньор? Только чтоб налоги собирать да пьянствовать с утра до ночи в своем замке. И задумали мастера откупиться. Собрали груды золота-серебра, сочинили договор, по которому город получал полную свободу, без повинностей и оброков, скрепили клятвой. Даже король, которому преподнесли щедрые дары, не возражал. Епископ дал присягу, что будет соблюдать все условия. И стал город коммуной. Зажили мастера вольно и весело. Днем работают в мастерских, вечером загонят скот с полей, подоят коров, поужинают на славу и поют себе и пляшут на площадях. И все равны, и все одинаковы. И нет над ними никаких господ.

Епископ к тому времени прокутил денежки и захотел город вернуть. А чтобы заручиться милостью короля, пообещал ему богатые дары из сундуков вольного города.

Да не тут-то было. Едва мастера провели обо всех этих кознях, они тотчас топоры и дубины — в руки и с криками «За коммуну!» бросились на стражников епископа. Недолго думая, порешили стражников да и королевских рыцарей заодно. Плохи мои дела, подумал епископ и кинулся спасаться в церковь. Прибежал в церковный подвал, вышиб дно у бочки, перевернул ее и спрятался там. Горожане бросились в подвал, видят—

стоят рядами бочки, а у одной край лоснится вином. Подошли они, постукали, спрашивают: «Эй, кто там?» А епископ с перепугу: «Это я, несчастный пленник». Вытащили его за волосы, вывели в узкий переулок. Епископ отпустить его умоляет, обещает выкуп. Но никто его не слушал. Убили клятвопреступника.

Здесь бы и сказке конец. Только нет справедливости на земле. Вскоре король прикончил всех мастеров вместе с их коммуной.

Духота, казалось, стала еще невыносимее.

— Погаси огарок, Боб. Уже рассветает.

Боб поднялся, погасил свечу и, растирая затекшие ноги, подошел к окну, вернее, к той дыре, которая его заменяла. Он знал, что если подтянуться на руках и прижать подбородок к нижней перекладине, то можно увидеть край неба и верхушки шелестящих тополей.

Сейчас он увидел только тучи. Перегоняя одна другую, они неслись к востоку. Отсвет молнии окрасил розовым край небосвода. Издалека донесся раскатистый гул. Вслед за тем по окну полоснул дождь. Холодящая сырость проникла в сарай, запахло листвой.

— Тебе не надоело загораживать окошко, Боб? — спросил Томас Бекер.

Боб опустил на солому и несколько секунд сидел с закрытыми глазами. Потом запел вполголоса:

— Английская дева, где суженый твой?

Уж он никогда не вернется домой.

Все полегли...

— Послушай, Джемс, передай-ка мне ту шаль...

С грохотом открылась дверь. Поток света ворвался в сумрак сарая. Свет резанул по глазам, и Джеймс прикрыл их ладонью. Потом осторожно отвел руку: в ярком солнечном прямоугольнике, лежащем на земляном полу, он увидел длинную тень. Джеймс поднял голову.

Кто-то стоял на пороге, внимательно вглядываясь во тьму сарая. Правой рукой он сжимал копьё. Затем отступил в сторону. Солнце блеснуло на острие копья, на полукружьях железной перевязи, перехлестнувшей плечо. В проеме двери виднелись еще люди с копьями.

Незнакомец сказал тихо и просто, как бы для себя:
— Выходите. Все свободны.

Томас Бекер — и вдруг командир 2-го Эссекского отряда. Джеймс — его первый помощник. Джеймс смотрит на свое копьё, на копьё Томаса, на сотни, тысячи копий вокруг. Три обыкновенных слова, произнесенных человеком с железной перевязью, — и мир стал иным. Это он ведет их сейчас. Он решился взять в руки судьбы тысяч крестьян. И у него нашлось время, чтобы, услышав о пленниках Баркинга, переправиться с конным отрядом на пароме через Темзу и освободить Джеймса...

Дорога упруго выгибается под грубыми башмаками крестьян, с каждой минутой приближая повстанцев к Рочестеру.

И сердце Джеймса гулко бьется. Он ослеплен тем, что произошло в это раннее утро. Из душного, грязного сарая он вырвался в просторы, наполненные шумом трав, пересвистом птах, он стал спутником людей с копьями и мечами в руках. Освобожденных узников хлопали по плечам, теребили за рубахи, кто-то сунул им баклагу с теплым сидром... И вокруг лица, полные и радости, и усталости, и решимости, и гнева. А впереди — вождь: железная перевязь поперек посконной рубахи, светлая копна волос, в которых запутались искорки солнца.

— ...Мы не станем дожидаться редких подачек от его величества справедливости. Мы заставим правду слу-

жить людям всегда. Берите оружие. Другого пути нет. Король поймет нас.

И толпа крестьян в едином порыве взметнула вверх копья, косы, вилы. Тот, кого она сегодня назвала своим вождем, оглядывал ее внимательно. Рядом с ним стоял помощник, лейтенант Джон Керкби.

Сомкнутые ряды на миг расступились, пропустив человека в шерстяном жилете и желтых опойковых сапогах.

— Разреши обратиться, Уот Тайлер. Мы присоединяемся к тебе и твоим кентцам. Вместе с теми, кого подняли в Эссексе гонцы из Брентвуда, нас собралось сто пятьдесят человек. Вчера мы прикончили пятерых владельцев поместий. Слишком долго эти господа мучили и уничтожали ни в чем не повинных крестьян. Да, пять рыцарей знали грамоту, умели писать, и они занесли в свои списки подневольных людей, тысячи тех, кто не умеет ни писать, ни читать. Они решили, будто навечно закрепили рабов за собой и могут делать с ними, чего пожелают. Теперь все перевернулось и встало на свои места. Мы сожгли в огне их пергаментные списки. Чем они докажут отныне, что мы не такие же люди, как они?..

— А где эти пятеро господ?

— Там, где положено им быть, Уот, — человек в шерстяном жилете и желтых опойковых сапогах усмехнулся. — Эй, Абель, сюда!

Из толпы вышел дюжий парень. Все с изумлением уставились на его богатырские кулаки. И все подумали одно и то же: главный приз любого кулачного состязания — круторогий баран — наверняка всякий раз доставался этому молодцу.

— У нас спрашивают, где господин шериф, господин бейлиф, господа финансовые чиновники, где его прео-

священство господин аббат... Не захватили ли мы их с собой?

Парень молча удалился и через минуту появился вновь. За ним шли крестьяне, несшие большую ивовую корзину, прикрытую сверху тканью. Они поднесли корзину к Тайлеру и опустили на землю.

— Это тебе, Уот. От крестьян.

Парень, которого назвали Абелем, сдернул накидку. И все увидели на дне корзины, выложенном сеном, сияющий гранями кинжал с черненой серебряной рукоятью.

— Это тебе, Уот. Возьми.

Тайлер приблизился к корзине и поднял кинжал. Рукоять его была усеяна звездами или, может быть, искрами... Спиралью по ней вились какие-то латинские слова.

— Кузнецы изготовили клинок для того, кто стал вождем крестьян, — для Уота Тайлера. Они насадили клинок на рукоять, которую нашли в разгромленной усадьбе господ. Передаем оружие тебе.

Тайлер сжал рукоять. На смуглой руке обозначились жилы.

— Вы хорошо мне ответили. Я понял, где пятеро господ. Я возьму кинжал в знак того, чтобы мы и впредь понимали друг друга вот так же, без лишних слов.

Вложив кинжал в поданный Абелем кожаный футляр, Уот сунул его за пояс.

— Как зовут тебя? — спросил он предводителя тех, кто вручил ему кинжал.

— Роберт Кейв. Я из здешних мест.

— Не твои ли робингуды похозяйничали два дня назад в Леснесском монастыре? — Уот лукаво сощурился.

— Там побывал отряд Абеля Кера.

Уот опять посмотрел на огромные кулаки Абея, повернулся к толпе.

— Братья! — крикнул он как можно громче. — Слушайте меня! Я скажу вам правду. Узники в цепях и узники без цепей давно ждут нас. Так отдадим им то, что принадлежит каждому человеку по праву, — свободу! Терять время нельзя. Путь наш долог. Сейчас мы идем в Рочестер, затем нагрянем в Кентербери. А потом дальше... — Уот помедлил, как бы раздумывая. — Но сразу заявляю вам: все, кто пришел сюда из деревень, расположенных не далее двадцати миль от моря, должны немедленно вернуться и охранять побережье. Для пользы нашего дела я приказываю вернуться! Остальные разобьются на отряды, их поможет создать Джон Керкби. И сразу же, не медля ни минуты, — за мной! Сколько можно терпеть, чтобы в нашей Англии, кроме короля Ричарда, были еще и другие короли? У нас одна цель: за короля Ричарда и его верные общины!

— За короля Ричарда и его верные общины! — повторила толпа.

— В Рочестер! Мы идем за тобой, Тайлер! Будет, как ты сказал!..

И люди шли по дороге, упиваясь солнцем и вдруг обретенной головокружительной свободой. Группами и поодиночке подходили к ним крестьяне из попутных деревень, некоторые — с не просохшими от травы серпами, с пахнущими свежей древесиной топорами и теплыми от наковален молотами.

— Вы за кого? — спрашивали из рядов.

— За короля Ричарда и его верные общины! — отвечали им.

— Клянитесь!

— Клянемся!

И шли дальше вместе.

— Чего хотите вы?

— Свободы и гражданства, обещанных «Великой хартией вольностей».

— И явитесь к беднякам на помощь по первому зову?

— Всегда и всюду.

— Клянитесь!

— Клянемся!..

Опять по дороге более плотными рядами.

— Кто вы такие?

— Мы те, кто объединился против господ. И мы сметем господскую власть оружием.

— Клянитесь!

— Клянемся!..

Быстрый шаг отрядов не утомлял Джеймса. Крестьяне шли плечом к плечу, шеренга за шеренгой, крепко сжимая в заскорузлых руках мотыги, косы, вилы. Но теперь орудия труда предназначались не для созидания, а для разрушения. Нужно навеки покончить с черной тучей, нависшей над их жизнью. Они знали: только тогда хлынут на страждущую землю свет и тепло.

Все явственнее проступали на горизонте контуры старого замка. Все темнее становились запотевшие складки холщовых рубах на спинах шагавших людей.

Туда, в Рочестер, шли они, к толстым угрюмым стенам замка. Это оттуда переползает ложь в дома деревенских старост, в конторы городских мастерских, опутывает бедняков липкими кольцами, давит жирными буквами.

А ведь можно и по-другому: без списков, без судебных протоколов. Чтобы всем — свобода, чтобы каждому — струящееся над дорогой голубое небо, жгучая зелень лугов. И никто никогда не скажет впредь: «Нет человека без господина, нет земли без владельца».

И никто никогда не назовет крестьянина скотом. Жизнь пойдет по другим законам. Старые законы пора давно уничтожить. И всех, кто за них цепляется, уничтожить. И всех, кто противится уничтожению, уничтожить... До конца. Без следов. Чтобы все забыть — беды, тюрьмы, лишения... Жить заново. Эгей! Не останавливаться! Крепость близка. Томас Бекер говорит, что там находится в заточении беглый виллан. Его вот-вот заклеят каленным железом. Скорей, братья, скорей!..

Справа за холмом послышались шум, крики, лязг железа.

Колонна Бекера приостановилась, поравнявшись с перекрестом дороги. Наперерез ей вылилась большая толпа крестьян. Парень в полотняной рубахе и лиловом блестящем плаще, откинута за плечи, выступил вперед и крикнул:

— Стойте! Не вы ли люди из Кента?

Бекер жестом остановил колонну.

— Мы из армии Уота Тайлера! Кто вы и чего хотите?

— Как ты говоришь? Армия Уота Тайлера? А мы крестьяне Эссекса. Мы хотим свободы и справедливости, отмены всяких рент, пошлин и барщины. Четыре пенса с акра земли в год — и ничего больше.

— Вас много?

— Триста парней.

— Кто командир? Ты?

— Народ указал на меня. Мое имя Алан Тредер.

— Мы тоже против несправедливых законов и за всеобщее равенство. Мы тоже за короля. Направляемся в Рочестер. Присоединяйтесь, если по пути. Я расскажу о вас Тайлеру. Он в авангардном отряде.

Из толпы эссексцев махали шапками и что-то кричали. Крестьяне отряда Бекера поднимали над головами

свое оружие и потрясали им в воздухе в знак товарищества. Двинулись дальше вместе...

— Неплохие молодцы у этого Тайлера, — сказал Эндрю, шедший в одной шеренге с Джеймсом.

— Всяк считает своих гусей лебедями, — отозвался Джон Пейдж.

Глаза Джеймса беспокойно вглядывались в ряды эссекцев.

— Что, брат, смотришь сурово? — спросил шагающий справа от него рослый эссекский виллан. — Ты откуда?

— Из Фоббинга.

— Мы, оказывается, почти земляки. Я Джон Стерлинг. Час назад мы сожгли манор* одного богача. Эт т него-дйяй записал в списке, что я крепостной, и гонял меня по полю, как лошадь. Но я доказал ему сегодня, что мы с ним из одной плоти и крови, проковыряв в нем небольшую дырочку вот этой железкой.

Джеймс невольно поднял глаза на железный конец пики.

— А его барашков мы поджарили на углях, оставшихся от манора. Вкусные барашки, особенно если учесть, что это был первый сытный завтрак в моей жизни.

Парень загоготал и ткнул Джеймса кулаком в плечо.

— Ты, видно, с лихвой утолил и жажду после жаркого, — подмигнул ему Эндрю.

— А разве я еще не сказал, что сегодня не только впервые наелся, но и напился? Как настоящий лорд!

Колонна пересекала поле, зеленое от всходов пшеницы. Впереди оставался небольшой выгон, из-за которого надвигалась на крестьян серая громада крепостных стен с узкими бойницами.

Авангард повстанцев достиг крепостного рва и остановился. Следом за ним останавливались другие отряды.

Вилланы Томаса Бекера вытирали потные лица войлочными шапками, пробовали, крепко ли насажены на рукояти пики. Они знали, зачем пришли.

Сеньор требовал за своего беглого крепостного, заточенного в рочестерской тюрьме, неслыханно большой выкуп — триста фунтов серебром. Крестьяне, конечно, не могут дать столько, да если б и могли, не дали. Не лучше ли, померившись силами, решить, кто с кого вправе требовать серебро. Не пергаментные списки должны решить этот спор — острые топоры! Кто кого? Сколько можно терпеть? И пусть все королевские комиссии убираются прочь!

Крестьяне расположились вдоль широкого рва, окружавшего замок. Перед каждым отрядом — командир. Там, где дорога упиралась в ров, собрались предводители повстанцев: Уот Тайлер в белом плаще с черным капюшоном, Джон Керкби, Роберт Кейв, Абель Кер, Алан Тредер.

Тяжелые, окованные железом ворота старой башни наглухо закрыты. Мост поднят. Стражи, почувствовав опасность, заблаговременно скрылись.

Город молчит.

Призывно затрубил рог.

Уот Тайлер передал по цепи: располагаться с восточной и южной сторон замка вплоть до реки, насколько позволяют болотистые берега, и готовиться к осаде. Один из отрядов получил задание держать под обстрелом все стены и окна башен. Два отряда были посланы в деревню, что в нескольких милях от Рочестера.

Уже к вечеру вернулись крестьяне. Вернулись верхом на породистых лошадях. Вслед за ними тянулся длинный обоз. Телеги были нагружены мешками с ячменем, бараньими тушами, бочонками с элем. На других повозках громоздились лестницы, бревна, пики, топоры.

Оказывается, посланцы сожгли имение королевского сержанта Джона Лега. Крестьяне тамошней деревни тоже пришли на осаду Рочестера.

Сочное мясо потрескивало над костром. Джеймс и Джон Пейдж из Фоббинга, Вилль Грим из Керрингэма и Джон Стерлинг из отряда Алана Тредера сидели, вытянув к огню уставшие, промокшие ноги, и ждали ужина. Весь вечер они таскали валежник с густо заросшего берега реки. Утопая в иле и вспугивая спящих птиц, они ломали кустарник, камыш, выворачивали коряги. Все это сваливалось в крепостной ров, засыпалось землей и камнями.

Голубоватое облачко света поднялось к вечеру над городом и смешалось с туманом, наползшим с реки. Под его прикрытием крестьяне сколачивали бревна для таранов, точили косы и топоры.

А сейчас все отдыхали, вбирая полной грудью пьянящий вечерний воздух.

Огонь костра осветил огненно-рыжую голову кузнеца Эндрью. Он прикатил бочонок эля. Поставил на землю.

— Неплохая будет приправа к баранине. Попробуем, какой солод используют господа!

Эндрью выбил топором дно бочонка, отцепил от пояса глиняную кружку и зачерпнул густой черной жидкости.

Крепкий хвойный запах ударил в нос. Глаза крестьян заблестели. Каждый подходил к Эндрью, вытирал рукавом рот, выпивал до дна кружку и передавал другому.

— Нет ли чего покрепче, Эндрью? — спросил Джон Стерлинг.

— Ты сейчас чувствуешь себя львом, парень. Совсем не стоит опускаться до обезьяны, или до барана, или того хуже — до свиньи. Лучше отдохни. Завтра горячий день.

— Эй, друзья! — слышался голос из тумана. — Нет ли здесь пленников из Баркинга?

Джеймс, Вилль и оба Джона переглянулись. Эндрю встал и шагнул в туман на голос.

— Кто бы это? — спросил Пейдж и подбросил в костер сучьев. Пламя поднялось выше и раздвинуло темноту.

— А ну-ка, Джеймс, принимай гостей!..

В свете костра опять показалась голова кузнеца. И тотчас же рядом с Эндрю Джеймс увидел свою дочь.

— Клеменс!

Он поднялся, протянул к ней руки. Девочка перескочила длинную дымящуюся головню, бросилась к отцу и прижалась к его груди.

— Ты свободен, отец! — Клеменс улыбнулась. — Как я рада! Я искала тебя, я пошла в отряд, хотела найти тебя. Питер тоже собрался со мной. Но ему пришлось остаться с матерью: когда тебя увели, она слегла. Но ничего, ничего. Теперь все скоро кончится, все будет по-новому, ведь правда?

— Вы будете более правы, мисс, если скажете, что все только начинается, — галантно произнес Джон Стерлинг.

Клеменс оглянулась на него, посмотрела на дядю Пейджа. И все, глядя на ее пушистые волосы, на ее юное, оживленное лицо, невольно заулыбались.

— Ну вот и хорошо, что начинается, — сказала она, — очень хорошо! Раз все хотят этого, значит это верно, раз все идут вместе, значит так нужно. Значит иначе нельзя. Вот смотрите, сколько здесь наших эссексцев!.. И я с вами пойду. Нет, нет, не возражай, отец, я с вами. Я тоже хочу увидеть короля, я тоже хочу рассказать его величеству о нашей жизни.

— Садись, Клеменс, — сказал Джон Пейдж. — Ты,

наверное, ничего не ела. — Он протянул ей ячменную лепешку и кусок жареного мяса.

— Я сама вас угощу. Братья Пейдж и тетушка Бекер передали вам... Вот, пожалуйста, берите.

Клеменс достала из глубокого кармана широкой полосатой юбки кусок яблочного пирога и три круглые булочки. — Ешьте, ешьте... — Она подсела к костру и, обхватив руками острые коленки, следила за всеми блестящими, любопытными глазами.

Джон Пейдж разделил пирог и две булочки, одну булку возвратил Клеменс и сказал:

— Спасибо, девочка. За свою доброту услышишь много ласковых слов от женихов в Валентинов день*.

— Иди сюда, дочка, — Джеймс провел Клеменс к повозке, поднял дочь и опустил на мешки с сеном. — До Валентинова дня еще далеко, а пока поспи, ты устала. — Он облокотился о край повозки, вглядываясь в туман. Там светились огоньки костров.

— Побудь здесь, отец... Не уходи. Если бы ты знал, что у нас было в деревне! Если бы ты видел... — Клеменс подложила под щеку кулачок. — Какая ночь теплая! А воздух свежий... Послушай, что я тебе расскажу... Как только вас увезли тогда, все фоббингцы собрались и пошли в Брентвуд, к комиссару*. С ними побежал Питер. Они сказали: мы не станем платить больше ни одного пенни. Там были еще из других деревень. Из Керрингэма пришли крестьяне с луками. Долго они говорили с комиссаром, а потом взяли и забросали контору камнями. Как ни грозил комиссар, а пришлось ему удирать. Тогда из Лондона прислали комиссию с самим королевским судьей. Но наши схватили королевского судью и заставили поклясться на библии. И он поклялся никогда больше не приезжать со своей комиссией. А потом такое началось! Потребовали у судьи назвать присяжных,

составлявших новые налоговые списки, и всем присяжным отрубили головы. А судья сбежал. Домой после этого никто из крестьян уже не вернулся. Все пошли к королю. Нужно же рассказать о своих обидах и отомстить за них лордам. Когда я узнала это от Питера, я догнала отряд...

...Клеменс уснула. Медленно таял туман. Костры догорали, на смену им высоко загорались звезды. Между созвездиями осторожно пробирался тоненький серпик молодого месяца.

Джеймс, задыхаясь, бежал вверх по крутым ступеням. Ему казалось, минула целая вечность с тех пор, как звук сигнального рожка поднял отряды осаждавших, с тех пор как он, Джеймс, рванулся вперед по шатким, прогибающимся доскам через ров, держа в одной руке копье, а в другой — лестницу. Узкий конец лестницы тащил бегущий впереди Джон Пейдж. Потом они хватались за колючие ветви тутовника, прижимались к замшелым стенам, спасаясь от летевших с башни стрел, устанавливали лестницы, закидывали веревочные петли на каменные зубцы крепости. С трудом преодолев стены, они спустились вниз. И сразу схватились врукопашную со стражниками, били копьями под их железные шлемы. В месиве штурма Джеймс видел, как ловко орудовал тяжелой дубиной кузнец Эндрью. Ни один взмах его могучей руки не пропадал впустую. Труднее пришлось со стражей, охранявшей главный вход в замок. Здесь защищались самые опытные воины. Возле рукояти бревна, поднимающего на цепях чугунную решетку ворот, завязалось настоящее сражение. Потом пришлось брать с боем массивные колеса, опускающие мост. Наконец враг отступил, и огромный скрипящий мост перекрыл ров.

Толпа крестьян устремилась по мосту к замку. Единственный способ открыть хитроумно запертые башенные ворота — разбить их тараном. Из лагеря принесли бревно и начали раскачивать его. Вскоре разнесенные в щепы ворота лежали на земле.

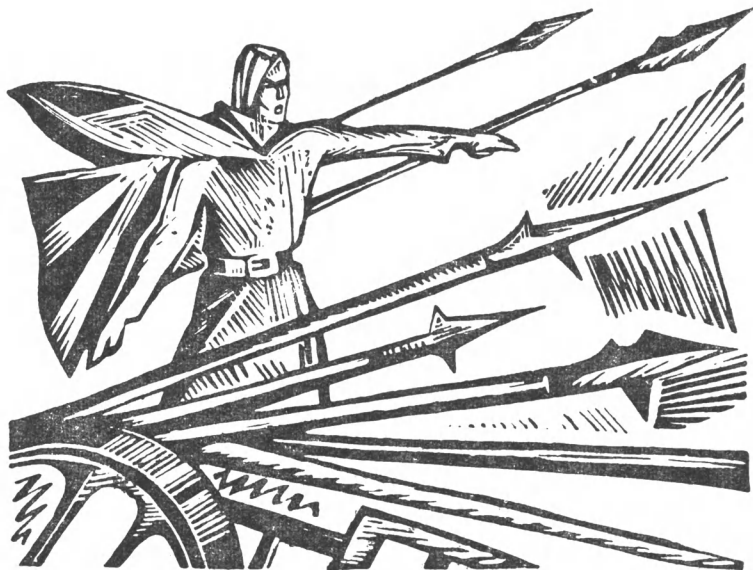
По низким переходам спиральной лестницы Джеймс бежал вверх за стражником, которого увидел в нише арсенала, возле двух старых пушек. Рыцарь, закованный с ног до головы в латы, с большой медной стрекозой на бляхе железного воротника, выскочил из ниши и исчез в узком сводчатом отверстии в стене. Там оказалась лестница. Джеймс поднимался по ступеням, слыша над головой звенящий стук железных башмаков, и через некоторое время вбежал в прохладное полутемное помещение.

Огромный продолговатый зал. Серый гранит стен. Сквозь узкие окна просачиваются неяркие лучи.

Слева разинула пасть печь с закоптелой решеткой. Неподалеку опрокинутый длинный стол. На полу валяется сброшенная посуда: серебряные блюда, узкогорлые кувшины, кубки. Далеко к середине зала откатился бронзовый подсвечник.

Напротив чернела дубовая дверь с медным кольцом. Рыцарь исчез.

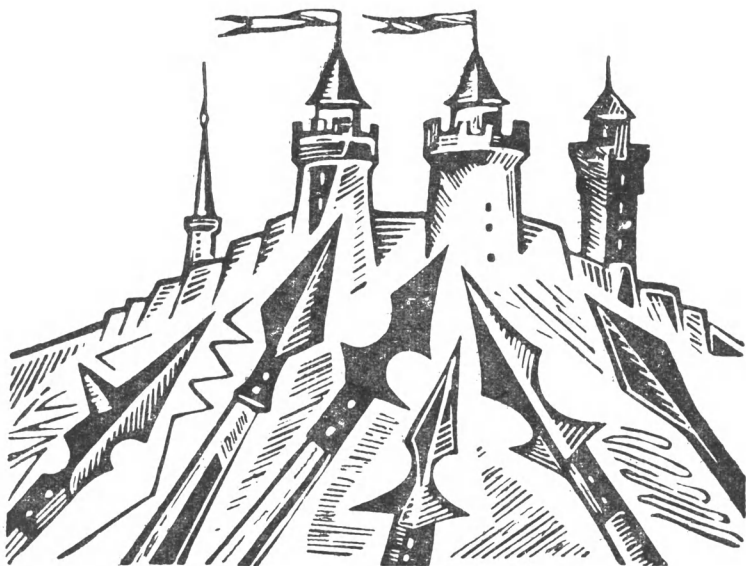
Джеймс сделал несколько шагов, эхом отдавшихся под сводами, и древком копья нажал на дверь. Она поддалась, и в зал проник дневной свет. Джеймс кинулся вперед. Каменная галерея, ограниченная зубцами бойниц, тянулась вдоль стены. На плитах валялись луки, стрелы, арбалеты. Джеймс нагнулся и поднял тугой тяжелый лук. Он был из превосходного, красиво изогнутого тиса. Подобрал с десятка стрел, Джеймс сунул их в пестро расшитый колчан и перекинул его через плечо. Подошел к бойницам, глянул вниз.

Он увидел невероятно маленький сверху осадный лагерь: игрушечных коней, стоявших на привязи у редких деревьев, повозки, крестьян, торопливо перебегавших мост, убитую стрелой лошадь... А далеко на горизонте — холмы в серой дымке, изрезанные дамбами нивы, пепельное небо, нависшее над ними. Джеймс повернулся к двери. Коротко свистнула над самым ухом стрела и впиалась в дерево перед ним.

Джеймс отпрянул в сторону. Оглянулся.

На галерее никого не было. Снизу доносилось ржание коней. Он дернул на себя дверь. Она не открывалась. «Ага, значит, западня. Да, здесь бились хозяева, знавшие все премудрости старого замка».

Джеймс сделал несколько шагов вдоль стены и, прижавшись к ней, заглянул за угол башни. Недалеко от поворота галерея заканчивалась глухой каменной кладкой в рост человека.

Неожиданно сильный удар по голове оглушил Джеймса, и он упал, вспомнив в последний миг, что так и не починил в воскресенье Питеру прохудившиеся башмаки.

Более часа зарево костра спорит с голубоватым светом пасмурного дня. А ящики все несут и несут. Их волокут на центральную площадь Рочестера со всех улиц,

закоулков, проулков, их вытряхивают в ревущее нена-
сытное пламя. И желтоватые языки пергаментных спи-
сков корчатся, чернеют и застывают. Подбрасывают но-
вые. Много лет эти жалкие листы стерегли святое право
сеньора угнетать крестьян, право человека издеваться над
себе подобными. И вот нет списков, и, значит, нет этого
права, нет повинностей, пошлин, штрафов. Нет господ,
нет слуг... Все равны, все свободны, и они собрались
сегодня, в субботу, по зову набатного колокола здесь,
напротив городской ратуши, на площади, где по такому
случаю не торговала ни одна лавка. Люди стоят полу-
месяцем вокруг костра: пахари, кузнецы, рыбаки, пасту-
хи, медники, землекопы, мясники, сапожники, бедные ла-
вочники, дровосеки...

Тут и странствующий музыкант с длинной, слипшейся
бородой. На веревочке, перекинутой через плечо, ви-
сит издававшая виды флейта.

Тут и старый богомолец, бредущий из Кентербери.
На полях его фетровой шляпы — стеклянные пузырь-
ки со святой водой — свидетельство недавнего при-
косновения к гробу великого страдальца Фомы Бе-
кета*.

У самого костра, рядом с Тайлером — молодая го-
рожанка с алой лентой в волосах, сдерживающей их
темный поток. Серые глаза смотрят сурово, подбородок
гордо поднят.

В руках у нее копье. Это она привела сегодня на пло-
щадь полсотни парней — подмастерьев Рочестера, тех,
кто не ищет выгоды, но ищет справедливости. Они по-
мogli расправиться со стражей свирепого городского
констебля*. Они указали, где спрятаны рочестерские
документы. Это Иоанна, отчаянная жена лавочника, пья-
ницы Ферроза.

— Ты видишь, Тайлер, народ ждал тебя, — заговорил Керкби. — Ты на гребне высокой волны, ты виден всем...

Сквозь рубаху на плече Керкби проступило красное пятно. Никто не знал, что лейтенант ранен. Он и сам забыл об этом во время штурма. Только сейчас почувствовал, как сильно болит плечо, вспомнил, что ни разу не перевязал рану с тех пор, как позапрошлой ночью вместе с Тайлером ездил освобождать узников Баркинга.

...В темноте отряд переправился на плоту через Темзу и углубился в чащу. Лес с каждым шагом становился все гуще, узкая тропа пропадала совсем. Спустились в ложину. Глубокая тишина нарушалась лишь уханьем филина да тонкими всплесками ручья. Вдруг кто-то из идущих впереди поднял руку и остановился. Все явственно услышали голоса там, наверху, на косогоре.

Лошадь Уота Тайлера первой выбралась по откосу. За нею поднялся конь Джона Керкби.

Сомкнутая шеренга всадников, еле различимая в темноте, угрожающе преградила дорогу. Выглянула на мгновение луна и осветила воинов, вооруженных копьями и облаченных в рыцарские доспехи. Встреча была неожиданной — отряд Тайлера двигался мало кому известными тропами. И тем не менее наткнулся на рыцарей. Отряды сошлись вплотную.

— Кто такие? Откуда? Куда направляетесь? — глухо спросил рыцарь из-под опущенного забрала.

Уот молча ждал, пока его отряд построится для атаки.

— Какого черта загородили дорогу? — крикнул в ответ Керкби.

Рыцарь выступил вперед.

— Эта дорога наша. И здешние леса наши. И тропа, на которой стоит твоя кляча, тоже наша. Мы хозяева поместья!

— Хозяев-то нам и нужно! — поднял копьё Уот.

Он размахнулся и пустил лошадь прямо на рыцаря. Удар пришелся в щит, однако рыцаря отбросило далеко в сторону. Тайлер резко осадил лошадь назад, еле увернувшись от двух других всадников. Завязалась схватка. Зазвенели крестьянские копыя, заблестели в лунных отсветах мечи. Тр-рах! — при ударе переломилось копьё Керкби. Лейтенант выхватил меч и вновь бросился на врагов. Силы были приблизительно равны, но рыцарей надежно защищали стальные доспехи. А крестьяне — в простых полотняных рубахах. В предрассветной мгле разъяренные господа медленно теснили крестьян. Хрипели кони.

Рыцарь, получивший удар и отскочивший в сторону, пришел в себя и, оценив положение, вновь кинулся в бой. С копьём наперевес понесся он прямо на Тайлера, не подозревающего о грозящей сзади опасности. Казалось, ничто не могло уже спасти вождя. Гибель была неминуема. И тут Керкби закричал: «Уот, берегись!» В этот момент в левое плечо Керкби вонзилось рыцарское копьё. Тайлер, однако, успел рвануть лошадь в сторону. Мгновение — и он обрушил свой меч на врага. Рыцарь вместе с конем повалился на землю. Уот еще раз ударил мечом по гребню рыцарского шлема.

Керкби вышиб из седла другого рыцаря и расплющил ему грудь копытом своего вороного скакуна.

Хозяева поместья заметно растерялись. Воспользовавшись этим, крестьяне пришпорили лошадей и с криком бросились на рыцарей. Но те уже скакали прочь и вскоре скрылись в роще, провожаемые вспышками молний, гулом надвигающейся грозы.

Отряд Тайлера спешил. Бойцы наскоро перевязали раны, привели в порядок упряжь и оружие. И, подставляя прохладному дождю горящие лица, поехали дальше сквозь мокрую, редеющую рощу...

Керкби осторожно притронулся к раненому плечу, задумчиво поглядел на костер, где догорали списки.

На площадь выбежал тощий человечек в арестантской рубашке, освобожденный из рочестерской тюрьмы вместе с другими узниками. Среди них было немало пострадавших за нарушение Рабочего статута. По этому кабальному закону каждый человек, не имевший собственной земли, был обязан наниматься на работу к господам во избежание штрафа или ареста. Теперь безземельные опять свободны. И человечек тоже. Лицо изрезано морщинами. Он размахивает руками и выкрикивает:

— Я знаю, где сейчас тот, кто запер меня в тюрьму! Я косец, а он загонял меня на псарню кормить и чистить собак. Когда я сказал ему, что не выношу запаха псарни, он отдал меня под суд. И меня осудили!.. Идемте, я покажу этого господина. Я отомщу за свои муки!..

— Да что там один твой хозяин... — говорит Джон Керкби. — Успокойся. Присоединяйся к нам. Мы покажем всем сеньорам, какие законы издавать и как их исполнять.

— Но я не могу один наказать всех. Рассчитаться хотя бы с тем, кто издевался надо мной. Сколько еще терпеть?

— Правильно. Пусть одним сеньором станет меньше! — говорит Уот. Подозвав к себе Абея Кера и еще троих молодцов, Тайлер посылает их с косцом прикончить феодала.

Когда последний список сгорел, вспыхивая запозда-

лыми искорками, Уот Тайлер вскочил на каменный прилавок овощного ряда и поднял руки высоко над головой.

— Слушайте, что скажу я вам, все собравшиеся здесь!

Толпа стихла и сдвинулась теснее.

— Слушайте, но сначала взгляните! Эти руки знали только труд. Много инструментов перебывало в них. Они держали мотыгу, косу, резец, топор. А случалось — лук и копье.

И все смотрели на большие руки Уота, протянутые к толпе.

— Я такой же труженик, как и все вы. И всех нас кормит работа, тяжелый труд. Но мы еще кормим и наших господ. Сеньоры берут у нас все, а что дают взамен? Сеньоры ведут праздную жизнь, сеньоры наслаждаются покоем и радостями, — а мы? Мы прозябаем в лачугах, мы умираем от голода.

Но разве мы не умеем радоваться жизни? Или не можем по достоинству оценить белое вино из Эльзаса и красное — с Рейна? Ну-ка прислушайтесь! Может быть, наши сердца бьются слабее? Или не та же смерть уносит и раба и господина? Мы такие же люди, как и они. А если они не хотят признавать этого, докажем мечом!

Известно, что хорошее начало — половина сражения. Сегодня мы восстановили правду в этом городе. И мы вернем ее на землю всюду, куда ни пойдем. И если надо, мы расскажем королю, как мы, его верные слуги, помогали ему. Король не знает, во что превратили Англию его придворные, все эти изменники во главе с герцогом Ланкастерским Джоном Гонтом!

Уот передохнул и оглядел толпу, своих друзей и побратимов, за долгие годы гнета так истосковавшихся по правдивому слову. Да, правду предстояло защищать с оружием в руках. Ту правду, на знаменах которой бы-

ли начертаны семь дорогих сердцу слов: Воздержание, Смирение, Милосердие, Чистота, Терпение, Мир, Щедрость.

— Сейчас наш путь лежит в Кентербери, — продолжал он уже спокойнее свою речь. — Там бывает много людей со всей Англии. Они понесут нашу правду по городам и деревням. Затем двинемся в Мейдстоун, где уже третий месяц сидит в тюрьме защитник народа Джон Болл. Я знал его по Колчестеру. Он прислал письмо, в котором приветствует нас и уведомляет, что ударил в свой колокол. Теперь настала пора действовать. За нами право и сила, воля и ум... Джек Строу, прочитай людям письмо Джона Болла.

Джек вскочил на каменный прилавок рядом с Тайлером, вынул из кармана бумагу, бережно развернул ее и стал читать:

— «Джон Болл, пастырь святой Марии, приветствует сердечно всякого звания людей и повелевает им во имя троицы, отца, сына и святого духа, мужественно сплотиться за правду. Храните истину, и истина сохранит вас... Джон Болл уговаривает народ повиноваться одному вождю Тайлеру, поддерживать дисциплину, остерегаться, чтобы их не отговорил кто-нибудь из горожан, не предаваться грабежам и личным интересам...»

Тайлер подал знак Строу. Тот спрятал письмо.

— Мы освободим Джона Болла! Освободим всех, кто томится вместе с ним в тюрьме. А сейчас я разрешаю короткий отдых. Затем наш путь в Кентербери! Правильно я говорю? — Уот смотрел открыто и дружелюбно.

— В Кентербери! В Кентербери!.. — отозвалась многотысячная толпа.

— ИЛИ ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ СПОКОЙНО!
— ХОЧУ И ПОЭТОМУ НЕ МОГУ
СЕБЕ ЭТОГО ПОЗВОЛИТЬ.

Из анонимной хроники

«В среду после троицы король отправил к общинам своих посланцев. Они ответили, что восстали для спасения его и чтобы уничтожить изменников его и королевства. Король послал во второй раз и сказал, чтобы они перестали делать то, что делали из уважения к нему, чтобы он мог говорить с ними, и он, согласно их желанию, разрешит исправление того, что было сделано худого.

Общины сказали, что хотят говорить с ним.

И король в третий раз послал сказать им, что прибудет к ним на другой день в час заутрени».

Из крестьянских воззваний

«Когда сила будет помогать праву, а ум
идти впереди воли,
Тогда наша мельница пойдет полным
ходом...

Остерегайтесь попасть в беду,
Отличайте ваших друзей от ваших врагов,
Скажите: «Довольно», и кричите: «Эй,
сюда!»

И делайте хорошо и еще лучше, и бегите
греха,

И ищите мира, и держитесь в нем.
Об этом просят вас Джон Правдивый и все
его товарищи».

ткнулся тяжелый полог, в палатку вошли двое. Сразу же запахло конской сбруей и придорожной травой. Один из вошедших снял промокший до нитки темный плащ. Другой сбросил перчатки и снял с плеча арбалет.

— Добрый день! Ну и охрана у вас! Ни за что не хотела пропускать. Ей пароля мало. А ведь мы проскакали

без передышки добрый десяток миль.— Говорящий подтолкнул вперед своего спутника, высокого рыжего крестьянина.— Это кузнец Эндрю из Стенфорда. Он здесь по поручению Томаса Бекера.

Уот Тайлер внимательно оглядел кузнеца с головы до ног.

— Здравствуй, Джек Строу. Здравствуй, кузнец Эндрю. Здравствуйте и проходите. Продолжим наш совет. Однако опаздывать нельзя. Дорог каждый час.

— Я не мог приехать раньше, Тайлер. В наш эссекский лагерь постоянно прибывают посланцы других графств. По примерным подсчетам, уже собралось тысяч тридцать. Когда мы сели на коней, прибыл еще один восставший отряд. Эти ребята сожгли налоговые списки архиепископа Сэдбери.

Сидящий по левую руку от Уота монах в коричневой мантии поднял выстриженную посредине крупную голову и с интересом взглянул на говорившего.

— Сэдбери? Когда-то архиепископ Сэдбери утверждал, что чернь ни на что не способна и что мы, странствующие монахи, напрасно будоражим ей умы греховными проповедями о всеобщем равенстве и братстве. Двадцать лет назад за эти проповеди меня наказали — отлучили от церкви и проклинали. Но проклятиями и отлучениями меня не сломить.

Все с почтением слушали монаха. Он спокойно продолжал:

— Я провозглашал тогда и сейчас говорю: придет время — и не будет ни бедных, ни богатых, ни господ, ни рабов. И люди станут другими — исчезнут пороки, забудутся гордость, жадность, ложь. Кто трудится, получит много земли. Все монастырские угодья перейдут во владение народа. И будет один епископ. Отпадет сама собой церковная десятина. Это я говорил людям

езде — на рынках, на постоянных дворах, на погостах. И люди слушали меня. Архиепископ узнал о моих проповедях, и меня опять отлучили от церкви, объявив раскольником. А в апреле этого года пригрозили третьим отлучением. Потом с помощью Королевского совета меня посадили в тюрьму. Я тогда сказал: придут люди — двадцать тысяч друзей из великого сообщества — и освободят Джона Болла. Епископ расхохотался мне в лицо. А ведь вчера произошло именно так, как я говорил. Мои слова сбылись.

Джон Болл замолчал. Чуть дрожало пламя трех свечей в чугунном подсвечнике, стоящем на ящике. На пологой стене палатки покачивалась тень головы монаха с прямым носом и большим, выдающимся вперед подбородком. Порывы ветра то и дело вторгались в ровный стук дождевых капель.

— Ты просчитался, Джон Болл, — сказал Тайлер. — У тебя уже пятьдесят тысяч друзей. И прибывают новые.

— Особенно после того, как Тайлер распорядился в Мейдстоуне продать крестьянам по дешевке захваченное в поместье герцога зерно, — сказал Роберт Кейв.

— Да, я приказал продать зерно. Так было все пять дней с тех пор, как меня выбрали вождем. Так будет и впредь. Мы распределим поровну богатства. А имя Сэдбери надлежит внести в список приговоренных к казни. Скоро мы доберемся до всех этих господ — и до Сэдбери, и до Хелза, и до Лега.

— Жаль, мы не нашли архиепископа в Кентерберийском соборе, — сказал Алан Тредер. — Спрятался, дьявол.

— Расскажи-ка, Тредер, членам совета, как мы показали жителям Кентербери, что им следует отныне делать, — предложил Тайлер.

— О-о! Нас встретили в Кентербери, как почетных

гостей. Мы дошли до дворца Сэдбери, чтобы повидать святого отца и канцлера и потребовать отчет о доходах Англии. А заодно побеседовать и о тех денежках, которые он прикарманил со времени коронации Ричарда Второго. Но епископа и след простыл. Зато мы наткнулись в погребах на бочки с вином...

— И что же вы сделали с этими бочками? — спросил Тайлер.

— Вылили все вино на землю. Чтобы никому не досталось. Потом отправились в собор святого Фомы. Там шла обедня. Сначала мы тоже преклонили колени, а потом как крикнем: «Архиепископ — изменник!» Монахи перепугались, закрестились, служба прервалась. Послали за мэром, бейлифом и старейшинами. Они явились на площадь, а там собрался народ и наших четыре тысячи. Посредине горела куча списков, кресел и ковров из архиепископского дворца. Нам ведь не жаль того, что так дешево досталось и самому канцлеру. Тут подъехал на коне Тайлер и объявил громогласно нашу волю: найти Сэдбери и казнить как изменника. А если он в Лондоне — прогнать его оттуда, хватит обманывать нашего короля. Долой обманщика канцлера! Народ хочет видеть архиепископом Джона Болла. Так ты говорил, Уот?

Тайлер кивнул.

— Мэр, бейлифы и старейшины согласились с нашими требованиями. Они приняли клятву верности королю Ричарду и его общинам. Пока сеньоры тряслись от страха и раздумывали, давать ли клятву, горожане стали громить дома прокуроров и адвокатов королевского суда. Полтысячи вооруженных кентерберийцев влились в наши ряды.

— Кентербери — первый город, который целиком перешел на нашу сторону, — сказал Уот. — Теперь нас

ждут другие города, новые люди, не знавшие свободы. Нас ждет Лондон. Впустите посланца лондонских купцов.

Приехавший из Лондона купец, по имени Томас Фарингдон, терпеливо, под дождем ожидавший своей очереди, вошел в палатку, откашлялся и сказал, обращаясь к Тайлеру:

— Лондон приветствует и ждет вас!

Тайлер сидел, опершись согнутой рукой на ящик, искоса смотрел на купца. Тот, помедлив, продолжал:

— Мне совершенно точно известно: горожане рады встретить крестьян. Вчера мэр Уолворт запер все городские ворота, поднял мост и везде расставил стражу. Но один мой близкий друг командует охраной этого моста, а другой близкий друг охраняет городские ворота. Эти люди нам помогут. Они сделают все, чтобы путь был открыт. Город ждет вас.

— Чем ты можешь подтвердить то, что сказал, Томас Фарингдон? — спросил Тайлер.

— Я и мои собратья слишком долго и много страдали от политики Джона Гонта и Симона Сэдбери. А кроме того, вот смотрите, — с этими словами Фарингдон скинул с себя плащ. Вокруг его тела была обернута шелковая блестящая материя.

— Что это?

— Это королевское знамя.

Фарингдон размотал ткань, раскинул ее на краю ящика. И все увидели на полотнище львиную голову.

— Откуда у тебя знамя, Фарингдон? — спросил Уот.

— Мне дали его в знак верности наши олдермены. Но здесь только половина знамени. Другая — в Лондоне. Разве это не доказательство?

Керкби взглянул на Тайлера.

— Значит, купцы с нами?

— Они сделают все, чтобы помочь вам, — повторил Фарингдон. — Даже обещают снабдить продовольствием. А может быть, и оружием. Скажу по секрету: кое-кто уже пытался тайно вести переговоры с французскими и кастильскими оружейниками. Ремесленники тоже поддержат вас.

— Я верю тебе и твоим друзьям, Томас Фарингдон, — сказал Уот. — Передай им: скоро мы будем в Лондоне. А теперь можешь покинуть нас.

Купец кивнул головой, накинул плащ и вышел из палатки.

— Да, видно, не только крестьянам насолили придворные сеньоры. Они заслужили наказание, — сказал Абель Кер.

— Если король не понимает этого, мы все сделаем без него — собственными руками, — сказал Джек Строу. — Казним всех, кто поддерживает беспорядок в стране, всех сеньоров, монахов... кроме нищенствующих, конечно.

Джон Болл усмехнулся.

— Я много думал над тем, как быть с королем, — продолжал Джек Строу. — Нужен ли он?..

— Королю верит народ, — сказал Тайлер.

— А ты, Уот Тайлер, веришь?

Тайлер серьезно взглянул на Строу и ответил:

— Я верю в нашу правоту, Джек.

— У меня есть подробный план, Тайлер... Свой. Вот послушай... И не сердись на меня. Да, я тоже иду со всеми в Лондон. Да, я тоже против зла и несправедливости. Но я не верю королю и его приближенным.

Строу наклонился вперед и вполголоса, горячо заговорил:

— Мы придем в Лондон и захватим там короля. Потом повезем его по Англии. Будем показывать народу

и говорить: «Это его величество во главе восстания!»; «Это его величество хочет освободить английский народ от изменников-феодалов». Вот увидите, вся Англия поднимется. Тогда уже ничто не остановит людского гнева. И этот гнев сокрушит зло на земле. После мы уберем короля, отменим все законы и издадим новые — справедливые. А страну разделим на королевства и в каждом выберем своего властителя — того, на кого укажет народ.

— Это хорошо, Джек, что ты подумал не только о том, как разрушать старое, но и о том, как создавать новое, — сказал Уот Тайлер.

— Но, создавая новое, действовать нужно осторожно, не горячась, — сказал Джон Болл. — Добрый хозяин вырывает плевелы* на собственной ниве так, чтобы не попортить пшеницы.

— Нам нужно как можно скорее овладеть Лондоном, — сказал Тайлер. — Это сейчас самая важная задача. У нас ведь не настоящая армия, у нас нет провианта, недостаточно оружия. Крестьяне не получают жалованья. К тому же, они бросили свои поля. Надо действовать быстро и решительно.

Из-за полога палатки появилась голова Боба Мока.

— Посол от короля! — крикнул он.

— Опять? — удивился Керкби. — Или король не понял, зачем мы здесь?

— Может быть, наоборот, понял и хочет объявить об этом? — сказала Иоанна.

— Пусть войдет посол от короля, — сказал Тайлер. — Мы его слушаем.

Нагнувшись, в палатку вошел вельможа в черной мантии до пола, с золотыми пуговицами вдоль разреза. Он снял фетровую шляпу с обвисшими мокрыми полями

и оглядел сидящих на бочонках и ящиках людей. Затем, медленно выговаривая каждое слово, произнес:

— Здравствуйте, господа! Я должен обратиться к тому, кто сегодня здесь назвал себя Уотом Тайлером в разговоре с первым послом его величества.

— Я Уот Тайлер. Кто вы?

Посол сказал, кашлянув:

— Меня направил к вам король английский Ричард Второй. Вот письмо его величества.

Уот взял бумагу, пробежал глазами, передал Джеку.

— В меня розгами вбивали латынь, но по-французски я ни слова, черт побери! — заявил Струу.

— Я могу сообщить вам то, что его королевское величество изволили изложить в своем послании, — торжественно изрек посол. — Король пишет вам: из уважения к нему перестаньте делать то, что делаете. Это он просил передать и устно.

— Мы не делаем ничего во вред королевству. Мы не хотим мириться с тем, что страна дурно управляется. От этого страдает и честь королевства и простой народ. Мы оружием очистим страну от изменников и негодяев, которые окружают короля. Возможно, государь и не виноват в том, что в стране создалось тяжелое положение. Во всем виноваты придворные его величества: дядья-опекуны, лорды и священнослужители. — Уот положил руку на торчащий за поясом кожаный футляр кинжала.

Брови посла выгнулись.

— В свою очередь, король просил передать, что согласно вашему желанию мог бы поговорить с вами, исправить то, что было допущено худого.

— Вот это другое дело! Поговорить с его величеством мы тоже желаем. А за свою персону король пусть

не беспокоится, мы не причиним ему вреда, — сказал Уот.

— Я передам это его величеству, — заявил посол, отступая к двери.

— Надеюсь, вы благополучно доскачете до Лондона. Боб, проводи королевского посла. И хорошенько напои его коня.

Церемонно раскланявшись, посол вышел.

Уот устало улыбнулся.

— Все идет отлично, друзья. Я всегда говорил, что правда — лучший кормчий.

— Мы верим в твою правоту, Уот, — сказал Керкби. — Ты можешь положиться на нас.

— Мы с тобой, Уот, — подтвердили остальные.

— А пока будем очищать Англию от мусора. Мой верный лейтенант Керкби завтра поведет отряд в церковь Медлингэм. Надо уничтожить все налоговые списки, о которых доложили утром крестьяне. Настала пора послать отряды в тюрьму Маршалси и в тюрьму Королевской скамьи. Там томятся ни в чем не повинные люди. Многие посажены, как и в Рочестере, за нарушение Рабочего статута. Абель Кер пройдет по ближним лондонским поместьям. И наведет там свой порядок. У него для этого есть и вкус, и смекалка. Недаром же его молодцы так ловко разделились с Леснесским аббатством. Военный план взятия Лондона остается в силе. А сейчас можно разойтись. Кажется, и дождь перестал.

Уот поднялся, задул свечи. Все присутствующие начали расходиться. Нужно было подготовиться к завтрашнему дню. Последним уходил Джон Болл. Он накинул на голову капюшон и с улыбкой посмотрел на Уота.

— Не зря я тебя называл в тайных воззваниях

Правдивым. Тебя будут очень любить те, кто тебе подчиняется. Но надо, чтобы и уважали, и немного боялись.

Уот засмеялся и провел рукой по волосам.

— По-моему, меня слушают. Уважение или страх — далеко не главное. Главное — вера. Моим оружием всегда была и будет только правда. Это навеки... Что же касается любви... — в глазах Уота опять появились смешинки. — Ведь твои пророчества сбываются. Верно я говорю, Иоанна?

Болл оглянулся и увидел на пороге лавочницу.

— О, наша новая Будикка*! Это тебя возродили из пепла, чтобы опять поднять людей Британии, но уже не против римлян, а против самих же британцев?

— С тех пор прошло четыреста лет, а героиня, как и прежде, молода, — улыбнулся Тайлер.

— Ты хорошо смеешься, вождь, — сказала Иоанна. — По смеху узнается человек. Дурной человек не умеет смеяться. Мой муж, например, только хихикает, и то лишь после чарки с вином.

— Для хорошего смеха ему одного питья мало. Ты, верно, его плохо кормишь? — сказал Болл.

— Разве вождь не убедился, что я неплохо готовлю жаркое?

— Не забудь напомнить об этом, когда мы сядем сегодня ужинать, Иоанна. А пока я пойду проверю посты.

Уот накинул на плечи свой белый плащ и вышел. Вслед за ним вышли лавочница и Джон Болл.

Дождь перестал. Над землей плыли серые, тяжелые облака. Крестьяне разжигали костры, протирали оружие.

Напротив палатки, на перевернутой корзине, сидел Боб и выкручивал намокшую под дождем рубаху.

По большой луже шлепал босыми ногами худой мальчишка лет тринадцати.

Уот остановился и посмотрел на его довольное, покрасневшее лицо. При виде Уота подросток просиял.

— Это Питер, сын Джеймса Воллена из Фоббинга, — сказал Боб.

— Почему же он здесь, а не с эссексами?

— Он хочет быть с тобой, Уот, так же как и я. А в Майл Энде его сестра с отцом.

— Мой отец участвовал в осаде Рочестера и сильно пострадал там в схватке с охраной, — сказал робко мальчик.

— Что же с ним? — спросил Уот, глядя с добротой и участием.

— Его ударили по затылку. А кто — он не видел. Отца нашли на верху центральной башни в беспмятстве. Он не покинул отряд, хотя и ранен.

Уот подошел к мальчику и потрепал его мокрые волосы.

— Значит, хочешь быть со мной?

— Да, сэр.

— А это, знаешь, совсем не то, что ловить дроздов с помощью веток, обмазанных клейстером, и получать за это тумачи от лесничих.

— Знаю, сэр.

— Ишь, какой он храбрый! — сказала Иоанна. — И как он много знает!.. А ты, парень, знаешь, что белье надо выкручивать в другую сторону? — повернулась она к Бобу. — Дай-ка сюда.

Боб, покраснев, нерешительно передал ей мокрый жгут.

— Вот как это делается, — сказала Иоанна.

Пастух смотрел не на рубаху, а на высокую, стройную лавочницу. Она это заметила.

— Не надо, не гляди так.

— Почему же? Я уже пятый день смотрю на твою алую ленту.

— И напрасно, — сказала Иоанна. — На вот, возьми, повесь просушить у костра.

Она выпрямилась и пошла от них, высоко подняв подбородок.

Раздавшийся сзади цокот копыт заставил Уота оглянуться.

— Я посол короля! Я посол короля! — выкрикивал всадник, сдерживая разгоряченную лошадь. — Мне нужен Уот Тайлер!

Подскакавшие на конях постовые окружили его.

— Что еще здесь такое! — Посланник еле сдерживал ярость. — Кто будет Уот Тайлер? Эй вы, что смотрите? — он обращался к тем троим, что стояли у лужи. — И уберите-ка копыта! Я ведь приехал без оружия. Для переговоров.

— Для переговоров? Ну так говорите. Слушаем вас, — сказал Уот, лицо его стало суровым. — Что-то много посланников от короля.

— Я уже объяснял — мне нужен Уот Тайлер.

— Я Уот Тайлер.

Всадник прорвался сквозь ряд стражников и подскочил вплотную к Тайлеру.

— Если ты Уот Тайлер, то слушай. Король прислал объявить, что прибудет к вам из Лондона завтра, в час заутрени.

— Кто вы, принесший эту весть? Как вас зовут?

— Джон Ньютон, если тебе угодно. Теперь прощай! Меня ждут у дороги, — всадник повернул коня.

— Нет, постойте. Ваше имя Ньютон?

— Да, но я должен ехать. Меня ждут мои сыновья, которые сопровождают меня.

— Так. Эй, стража, взять сэра Ньютона под арест! А насчет встречи с королем сэр может не беспокоиться. Это уже наше дело.

— Вы не смеете!.. — глаза посла округлились. — Что еще толпа намеревается вытворять?!

— Я дважды не повторяю приказа. Боб, позови Джона Керкби. Какого еще Джона Ньютона присылают нам из Лондона? Как мне докладывали вчера, один Джон Ньютон уже сидит в тюрьме. Его поймал рыбак из Керрингэма. Имя рыбака я хорошо помню — Тоби Снейк...

Уже давно стемнело, погасли костры. Где-то у дороги мелькали сторожевые огни факельщиков. Сон овладел восставшими. Но Уоту не хотелось спать. Ночь не освежала голову, не успокаивала мысли: слишком жаркой была борьба, в которую он вступил открыто, в полную меру своих сил, борьба, когда на карту ставят все.

А что позади? Барщина с малых лет, тяжелый подневольный труд. И везде — где бы Уот ни был, ни работал, ни жил — насилие, обман. Ложь и несправедливость, насилие и обман...

...Жак Риго неожиданно получил большое наследство и купил у разорившегося фламандца граверную мастерскую. Когда Уот отслужил свой срок в английской армии, расквартированной во Франции, он поступил в заведение Риго. Там уже работало девять подмастерьев. Он стал десятым. И маленький французский городок на берегу маленькой быстрой реки сделался его пристанищем.

Среди тихих унылых подмастерьев Уот выделялся.

В нем угадывались внутренняя независимость, уверенность. Был он хорошо сложен, крепок здоровьем. Говорил Уот немного. Может быть, поэтому слова, которые он произносил, звучали всегда с особой прямоотой и вескостью. Кроме того, в мастерской знали, что он научился в армии читать и знает наизусть отрывки из «Петра-пахаря» Ленгленда*.

Жак Риго не терпел воспоминаний о прежнем хозяине, подозревал подмастерьев в неуважении к себе. Он хотел насладиться обретенной вдруг властью над людьми и даже не пытался этого скрыть.

В обед подмастерья разгибали, наконец, спины, бросали инструменты на общий стол посередине низкой сумрачной комнаты. Остроглазая и остроносая служанка хозяев вносила кастрюли с едой, посуду и ставила на стол у окошка, где восседал Риго. Еда была нехитрая: капустный суп, кусок лежалой ветчины, кружка воды да ломоть хлеба.

Подмастерья поднимались, переставляли лавки к окошку, мыли руки в тазу и рассаживались вокруг Риго. Не глядя ни на кого, он первый начинал есть. Потом за ложки брались остальные. Жена хозяина — Розовая Мадлен, которая обычно сидела на табурете у входа, разложив перед собой продукцию мастерской, удалялась на кухню. Там она вкушала более изысканно приготовленный обед, поскольку в середине дня мадам жаловалась на боли в желудке.

Двое из подмастерьев — тонкий Луи и толстый Мишель — неизменно садились рядом с Риго и частенько спрашивали остальных: «А вы знаете, кого благодарить за сегодняшнюю похлебку?» Все устремляли очи к небу. Шея Риго розовела. Затем Луи или Мишель говорили благостно: «Мáстера надо благодарить, мáстера Риго». И кусок застревал в горле Уота.

Мастер Риго любил поговорить и делал это с упоением. Ничем другим, помимо разговоров, хозяин себя не утруждал. Он был убежден: неважно, кто ты, — важно мнение других о тебе; неважно, что и как ты делаешь, — важно мнение других о твоём деле... Сам он ничего не смыслил в гравировании. И чем большие успехи делали подмастерья, тем сильнее Риго озлоблялся.

— Вы мне должны быть покорны во всем, — все чаще напоминал мастер. — Вот ты, Фавье, — он тыкал в грудь сутулого белобрысого гравера, — ты ведь никудышный подмастерье, и тебе никогда не стать мастером. Разве так работают?.. Да я возьму с улицы любого прохожего, и он сделает лучше...

Фавье бледнел и не дышал.

— Разве это могильная плита для почтенного, упокой господь его душу, купца? Да это же кабацкий поднос, — распалялся Риго.

Фавье молчал, ссутулившись. Он уже шестой год работал в мастерской.

— Посмотри, как управляется с резцом Луи...

Все знали, что этот тощий парень с синеватым лицом, чем-то неуловимо напоминавший ошипанного цыпленка, работает вяло, спустя рукава. Его изделия удавалось сбыть с большим трудом. Обычно заказчики, получая плиту после резца Луи, делали кислую мину. Однако все знали и о безмерной привязанности хозяина к угодливому, льстивому Луи.

— Главное, Луи, — шептал приятелю Мишель, — не сиди сложа руки. Делай вид, что работаешь, — и громко хохотал. Его смех сотрясал стены угрюмо молчащей мастерской.

Хозяин обычно подремывал у окна, блаженно зевая. Иногда он приходил в себя, морщил лоб, как бы мучительно вспоминая нечто навеки позабытое, и начинал

перекладывать бумаги. Он рассматривал на свет счета, вглядываясь в листки с записями о работе подмастерьев.

Бывали дни, когда жена хозяина отрешалась от забот о собственном желудке. Тогда она усаживалась перед мастерской, около разложенных прямо на дороге разных по форме, цвету и величине каменных надгробий. Она заглядывала в глаза прохожим, незаметно для соседей приглашая обратить внимание на то или иное изделие мастерской: закон запрещал зазывать покупателей в лавку.

Розовая Мадлен обожала розовый цвет. Но ее щеки, в которые она втирала ежедневно полкружки сметаны, покрывались пунцовыми пятнами, если она видела розовое на ком-нибудь другом. И всякий раз таскала за космы служанку, когда та надевала передник в розовый горошек.

Подмастерья не любили Розовую Мадлен. Да и сам мастер Риго с трудом терпел преувеличенное представление супруги о ее вкусе и образованности: на полке у Мадлен стояло миниатюрное евангелие, преподнесенное толстым Мишелем два года назад в качестве предварительной платы за обучение.

Хотя Риго не очень-то жаловал свою суженую, однако он признавал за ней необыкновенное умение ловко сбывать товар. Даже покупатели, направлявшиеся в соседнюю мастерскую, нередко настолько зачаровывались Мадлен, что попутно приобретали для давно покоящихся на кладбище родственников лихо разукрашенные резьбой камни. Это благоприятно отражалось на доходах граверной мастерской. Кроме того, на Розовую Мадлен можно было положиться при отлучках — вряд ли удалось бы подыскать лучшего надсмотрщика. Казалось, супруга мастера умела видеть даже затылком.

Едва кто-либо из подмастерьев поднимал голову от работы, хозяйка тотчас оборачивалась, грозно смотрела на нарушителя и делала зарубку на одной из десяти деревянных бирок, воткнутых в щель.

Впрочем, нет, на бирках толстого Мишеля и тощего Луи зарубок не значилось. Не брали с дружков и штрафов. Это вызывало злую зависть других подмастерьев, к видимому удовольствию хозяев. Взаимная неприязнь работников была одной из основ ведения дела.

Уот Тайлер работал у мастера Риго уже третий год. Работал, постепенно приходя в себя после нелегкой воинской службы и оттачивая свое мастерство. Заказчики были им довольны. Так называемого «шедевра», необходимого для получения звания мастера, Уот еще не сделал, однако всякую работу выполнял тщательно, аккуратно, со вкусом. В конце концов, никто не знал, что такое этот самый «шедевр».

Однажды Розовая Мадлен продала богатому виноделу плиту, вырезанную Уотом, а выдала ее за изделие Мишеля. Уот заметил подлог, но смолчал. Тогда хозяйка продала еще одну плиту подобным же образом. Уот не страдал тщеславием, но все же обратил внимание глубоководной мадам на странные, несправедливые порядки по части сбыта товара.

Лицо Мадлен посерело, потом позеленело. Хозяйка не проронила в ответ ни слова и скрылась в своей спальне, сославшись на мигрень.

На другой день возле Уота остановился хозяин.

— Ты уже сколько лет работаешь, Уот Тайлер?

— Почти три года, господин Риго.

— И ты думаешь, этого достаточно, чтобы научиться мастерству?.. Ты, Луи, сколько работаешь?

— Год, господин.

— Всего лишь год? Однако за этот год ты показал себя способным гравером. Не правда ли?

Подмастерья, потупившись, кивали головами.

— Так вот... С сегодняшнего дня я учреждаю должность главного подмастерья. Главным подмастерьем назначаю Луи. Как на это посмотрит сын Альбиона *? Вот тебе твоя «справедливость»! Здесь я хозяин!! — вдруг заревел Риго. — Что хочу, то и делаю! Понятно? Перевожу тебя на погрузку материала. Будешь таскать тачку. Верно я поступаю, ребята?

— Верно, — протянули подмастерья.

— Ну, где теперь твое мастерство? Фук — и нету. Как не бывало. Вчера ты еще что-то умел, а сию минуту ничего не умеешь. Будешь таскать камни. Га! Как я захотел — так и вышло. Так будет всегда!

Уот тяжело поднялся и оперся кулаками о стол. Мадлен вскрикнула.

— Вы не правы, хозяин, — с трудом выговорил Уот. — И вам бы следовало переменить порядки в мастерской. Иначе нечего ждать добра.

Риго побелел от бешенства.

— Что? И это ты мне сказал? Мне? Хозяину?! Эй вы, дармоеды, я когда-нибудь бываю не прав? Или у меня плохой порядок? Что молчите?

— Да... то есть нет...

Это произнес Луи.

— Я самому мэру расскажу! Я оповещу цеховых старшин! Ты, Уот Тайлер, всю жизнь будешь помнить меня. Да я...

Он схватил стул и трахнул им об пол. Большой кусок отсыревшей штукатурки на потолке вдруг треснул, обвис и свалился прямо на голову разгневанного мастера Риго. Тот застыл на месте с раскрытым ртом, весь обсыпанный белой пылью...

— Что-о-о? — закричал он.

К нему угодливо подскочили Луи и Мишель, взяли под руки.

— Я знаю, чьи это дела! — бушевал Риго.

Риго увели на кухню. Вслед за ним бросилась, подхватив кружку с остатками сметаны, Розовая Мадлен.

— Вот видишь, Уот, хозяева наказаны и без нас, — сказал Фавье, когда подмастерья немного успокоились и очистили мастерскую от пыли.

— В Жакерии с господами поступали совсем иначе. Разве французы уже забыли ее?

— Э-э, то Жакерия.

— А ты знаешь, что восстали ткачи во Флоренции?

— Выкинь это из головы, Уот. Или ты не хочешь жить спокойно?

— Хочу и поэтому не могу себе позволить.

...Риго донес на Уота цеховому управляющему. Уот вынужден был пойти к нему. Он не сомневался, что любой разумный человек быстро разберется в этом нехитром деле. К тому же управляющим был соотечественник Уота — богатый английский делец, несколько лет назад приехавший во Францию.

Переступив порог небольшого особняка на одной из улочек недалеко от рыночной площади, Уот очутился в темной передней. Слуга предложил подождать.

Прошло четверть часа, опять появился слуга и пригласил следовать за ним.

В богато обставленной комнате ярко пылал камин. Возле камина, в кресле, боком к вошедшему сидел грузный человек в зеленом халате. Красными пальцами он перебирал шелковые кисти пояса. Это был Ричард Лайонс.

— Ты Уот Тайлер? — спросил он, даже не повернув головы.

— Да, сэр. Здравствуйте.

— Чего тебе нужно?

— Истины, сэр.

— Всего лишь? — управляющий поднял бровь. —
Поди-ка сюда, новый Христос.

Уот подошел близко к креслу.

— А тебе известно, что у каждого человека своя истина?

— Если позволите, я скажу о своей.

— Говори.

— Сэр, уже почти три года я работаю у Жака Риго после службы в английском гарнизоне. И многому научился за это время. Мои надписи на могильных плитах ни разу не приходилось исправлять или переделывать.

— Разве? А ты не знаешь, что вчера мсье Боларэ отказался взять плиту, на которой ты вывел имя его покойной жены?

— Этого не может быть. Я все сделал точно, как он просил.

— А листья?

— Какие листья?

— Я спрашиваю, где листья? — голос управляющего прозвучал угрожающе.

— Сэр, он просил только надпись.

— А разве тебе, граверу, не было видно, что жилки на мраморе подсказывали гравировку листьев? Ты не заметил этого и не сделал. В результате мсье Боларэ не взял плиту. Неустойку уплатишь. Помимо этого, Риго рассказал мне о твоём поведении. Ты, оказывается, один идешь против всех в мастерской, а? Мутишь людей...

— Если я не согласен с тем, как оценивают мою работу, это не значит, что я иду против всех.

— Значит, ты один прав, да? А все ошибаются? Уот ответил спокойно:

— А вы не допускаете, господин управляющий, что достаточно ошибиться одному и сразу начинают ошибаться многие. Так не раз уже было в истории.

— Ого! Ты, оказывается, научился и рассуждать. Не на службе ли в английском гарнизоне? Мне там тоже приходилось быть...

Лайонс посмотрел на Уота, повернув к нему лицо, одна сторона которого, обращенная к камину, была красной, другая — черной.

Уот Тайлер не знал тогда, что за птица этот Ричард Лайонс. Все прояснилось много позднее, когда Уот уже вернулся в Англию. Оказывается, управляющий цеховой гильдией был причастен не только к доходам граверной мастерской Риго.

В свое время Лайонс получил с помощью лорда Уильяма Латимера право вывозить английскую шерсть на континент, минуя порт Кале, где шерсть облагалась пошлиной. Подобные же разрешения он сумел раздобыть и для нескольких знакомых купцов. Торговые люди не остались в долгу и отвалили благодетелю солидный куш. Вскоре Лайонс сам стал откупщиком пошлин в Кале. Для начала предприимчивый делец повысил цены на шерсть, установленные парламентом, а излишек положил в свой карман. Вместе с зятем Латимера он скупал за бесценок долговые обязательства короля у потерявших надежды кредиторов и получал за них все сполна из государственной казны. Но и этого Лайонсу оказалось мало. Он стал скупать товары, которые шли в Англию, назначая на них цены по собственному усмотрению, беззастенчиво спекулировал.

Когда все раскрылось, парламент приговорил Лайонса к штрафу и тюремному заключению. Однако могущественный проныра дал кому следует взятку, и тюрьма была заменена расхитителю ссылкой во Францию...

Ничего этого не знал Уот Тайлер, когда стоял у ярко горящего камина, рядом с креслом Ричарда Лайонса. Но глядя на красные, толстые пальцы философствующего дельца, Уот вдруг почувствовал, что больше им говорить не о чем.

— Что ты молчишь? Садись, говори, о чем думаешь.

— Нам с вами не о чем говорить. Жак Риго прав, господин Лайонс: я — ничто.

Лайонс ухмыльнулся и, повернувшись всем корпусом к столику, стоявшему от него по левую руку, взял оттуда большой лист.

— Вот так, Тайлер, постигается жизнь. Лихорадка и головная боль будет мучить подобных Риго на том свете, как пишет Данте Алигьери *, тоже великий изгнанник. А на этом свете все наоборот. Послушай-ка... — И он прочитал: — «Цеховое правление и мастера гравёрной гильдии, разобрав жалобу мастера Риго на его подмастерье Уота Тайлера, объявляют всем, что за отсутствие выучки и мастерства и порчу изделий взыскать с него штраф в размере в два раза большем, чем оное испорченное изделие, а за безрассудство и легкомыслие занести имя Уота Тайлера в «Чёрный список» и пересылать его из города в город, чтобы все знали означенного Уота Тайлера и ни в коем случае не брали этого бунтовщика, затеявшего ссору с хозяином, на работу». Ясно?... А теперь пошел вон!

Ветер шевелил флаги над головами восставших. Они стояли огромной толпой вдоль правого берега Темзы, подтянутые, в высоких войлочных шапках, при-

сланных друзьями из Кентербери, с копьями и луками в руках. Все глядели в сторону Тауэра. Все ждали. Было объявлено: король изъявил свое высочайшее желание встретиться с ними и скоро прибудет. Юный, прекрасный король Англии. Руки, державшие древки копий и флагов, онемели от напряжения, глаза устали следить за мерцанием речных волн... Но люди стояли твердо и ждали. А впереди, под двумя развернутыми знаменами, стоял их вождь Уот Тайлер в белом плаще. Рядом с вождем — его помощники и этот чудак проповедник, произнесший сегодня перед восставшими такие необычные слова о равенстве:

«А что, если король не приедет?» — думал Уот. Посол Ньютон вполне мог обмануть их... Да может быть, и Ньютон-то самозванец, ведь сидит же в рочестерском подземелье человек, которого тоже называют Ньютоном. Тайлер чувствовал: люди продержатся в строю еще минут пятнадцать, не более. И если король все-таки изволит прибыть, то увидит, что они не какое-то скопище бунтовщиков. Настоящая боевая армия, которая может совершать великие дела. Король увидит, что здесь собрались не рабы, а сильные, смелые, выдержанные солдаты, достойные королевства... Еще немного, еще минут десять...

Вдали, за излучиной Темзы, блеснули на солнце весла — по незамутненным водам легко скользили барки. Приглушенный гул пошел по толпе.

Быстро плыли вниз по течению четыре барки, и по мере приближения их к берегу, где стояла, застыв, армия повстанцев, гул нарастал. Крестьяне не верили своим глазам. Прямо к ним направлялась нарядная, под шелковым балдахином, обвешанная коврами барка. А на помосте — вместе со свитой — его величество король.

Восставшие не выдержали и закричали:

— Да здравствует король Ричард Второй!

Уот сделал несколько шагов вперед. Ветер отбросил его волосы назад.

Королевская барка остановилась посередине реки. И все очень ясно увидели Ричарда. Это был стройный худой мальчик, в белом камзоле, обшитом горностаевым мехом. Рядом с ним стояла его мать — Жанна Кентская.

Ричард взошел на корму, где находились двое оруженосцев, за ним последовал важный лорд в круглой черной шляпе. Сложив руки рожком, Ричард крикнул тонким голосом:

— Господа-а-а!

И это слово четко донеслось до берега по глади реки. Толпа закричала в ответ:

— Ура-а-а!

Эхо растянуло крик далеко по полю.

— Господа-а-а! — крикнул опять Ричард. — Скажите мне, что вам угодно. Вот я пришел говорить с вами!

Толпа взревела. Уот поднял руку, желая унять шум. Но ничего сделать было невозможно.

— Мы ждем вас, ваше величество! — орал изо всех сил парень в первом ряду. Стараясь перекричать его, надрывался другой:

— Вам следует сойти на берег, ваше величество!

— Как же мы будем говорить с вами на таком расстоянии, государь? Так мы можем только кричать!

И толпа ревела еще неистовей:

— Ричард, мы ждем тебя!

— Иди к нам...

— А не захватили ли вы Джона Гонта, будь он проклят!

— Передайте нам Сэдбери!

— Мы хотим рассчитаться с ними!

Ричард стоял у самых перил и, чуть наклонившись вперед, глядел на крестьян.

— Я надеюсь, вы убедились, ваше величество, что это — безумные люди и они способны покончить со всеми нами, превратить Англию в пустыню, — сказал Ричарду лорд в черной шляпе.

— Что же вы медлите, Солсбери! — вскрикнула Жанна Кентская. — Сейчас же велите плыть обратно! Это безрассудно — подставлять головы под их стрелы!

Солсбери поклонился ей и вышел вперед. Схватившись за перила, он выкрикнул:

— Джентльмены! Послушайте меня!

Толпа немного притихла.

— Его величество король прибыл сюда говорить с вами, — продолжал Солсбери. — Но из уважения к королю вам бы следовало... хотя бы одеться подобающим образом. К сожалению, условий продолжать встречу мы не видим. Поэтому прощайте! — он подал знак гребцам. Барка качнулась, сдвинулась с места и быстро заскользила прочь, увозя так и оставшегося стоять у перил короля.

Толпа разом смолкла. И в изумлении глядела на удалявшиеся суда. Прошло несколько секунд. И вдруг раздался пронзительный крик:

— Измена!

Да, все было не так. Не то, чего ждали, на что надеялись. Но почему?

Толпа тысячеголосо усилила крик: «Измена! Измена!» — и ринулась от берега. Взметнулись вверх луки и туго набитые колчаны, из которых в то утро не было вынуто ни одной стрелы.

Уот схватил знамя и вскочил на вороного коня. Ста-

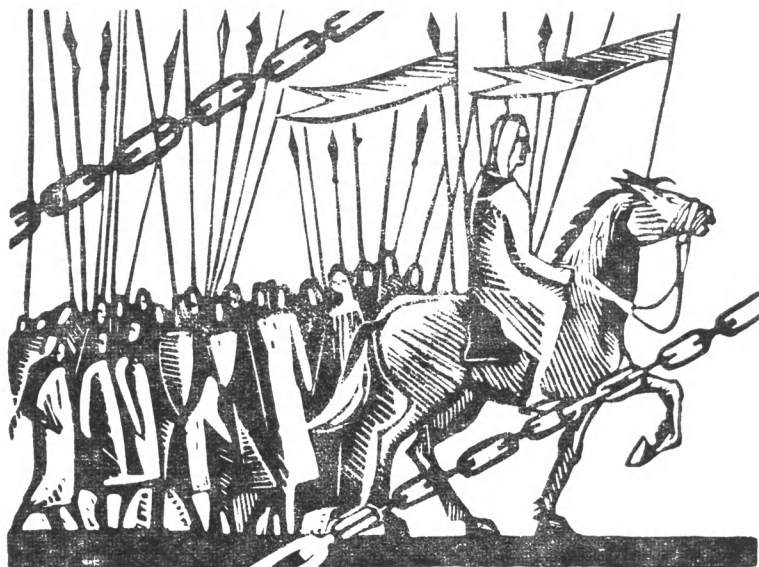
раясь обогнать бегущих от реки крестьян, он яростно прищипоривал скакуна.

Разрозненная было огромная масса движущихся людей повернула и плотной лавиной хлынула за ним, за развевающимся знаменем.

— На Лондон! Скорее! Скорее! — выкрикнул Уот, с трудом удерживаясь на вставшем на дыбы коне. — Вперед, братья!

Восставшие вступали в Лондон.

Мощный людской поток устремился по мосту, который был опущен еще ночью, как и обещал купец Фаринг-

дон. Через Каменные ворота тридцать тысяч кентцев вливались в узкие извилистые коридоры улиц столицы. Впереди, под развернутыми знаменами ехали на конях Уот Тайлер и Джон Болл.

У других городских ворот их ждал улыбающийся олдермен рыботорговцев Уолтер Сайбил, гарцуя на белой лошади. Другой олдермен — торговец шелком и бархатом — сидел на буланом коне, сдерживая его увешанной колокольчиками уздой.

— По вашему приказу ночью опустили мост. Вы уверены в том, что делаете, Уолтер? — тихо спросил он Сайбила, глядя на лес копий над головами движущихся по мосту крестьян.

— Да. Люди из Кента — наши друзья. Они честный народ, и меньше всего думают о собственной выгоде.

— А вы знаете, что они открыли ворота тюрем и выпустили всех заключенных?

— Это нужно было сделать двадцать лет назад, — сказал Сайбил и, пришпорив лошадь, поскакал от ворот навстречу Уоту Тайлеру и последовал с ним рядом.

— Ты видишь, Тайлер, как встречает вас лондонский народ? — сказал он торжествующе. — Все сделано, как договорились. Ты видишь?

— Еще бы. Если бы все было сделано иначе, мы сожгли бы мост и переправились через Темзу на лодках, — сказал Тайлер. — Сопротивляться бесполезно.

Эссексцы во главе с Джеком Строу и сопровождающим его Томасом Фарингдоном входили в город с северо-востока. И здесь ворота были гостеприимно распахнуты перед крестьянами олдерменом Хорном.

Напрасно надеялся лорд-мэр Лондона на стражников городской охраны, на то, что старейшины столичного совета — олдермены — и близко не подпустят восставших. Все получилось наоборот. Слишком поздно стало известно лорду-мэру, что посланная к крестьянам делегация старейшин была уполномочена договориться с ними об организованном и беспрепятственном захвате Лондона.

Гудели колокола всех церквей. Жители сорокатысячной столицы высыпали из домов и заполнили все улицы. Многие подмастерья и ученики подмастерьев выбегали из толпы, вливались в ряды крестьян и вместе с ними шагали к центру города, горделиво поглядывая по сторонам. Светловолосые девушки махали из раскрытых настежь окон верхних этажей цветными платоч-

ками. Пухлые, улыбающиеся владельцы бесчисленных пивных выкатывали на улицы бочки со знаменитым лондонским элем. Розовощекие колбасники раскладывали на покатых лотках лоснящиеся окорока.

Восставшие торжественно шествовали мимо. Им был дан приказ — не чинить никаких неудобств жителям столицы.

На Чипсэиде* мальчишки-зазывалы, взобравшись на громоздкие, высокие вывески лавок и таверн, безудержно свистели и орали.

— Заходите, заходите к нам! Самые лучшие в Европе товары только у нас!

Пестрели со всех сторон ярко раскрашенные щиты торговцев тканями и шапками и еще более яркие — торговцев мясом, рыбой, фруктами и овощами.

Крестьяне шли через рыночную площадь, вдоль торговых рядов, заваленных самыми разными товарами. Масло, сыр, бочонки с салом, кучки сладостей, мешки с солью, коробки с перцем, ящики с крючьями, болтами, оконными петлями, кадки, ведра, глиняные и жестяные горшки и чашки, сита, колеса для плугов и тачек, плетеные кузова для телег, кожаные хомуты, заступы, поводья, веревки, холстина для мельничных крыльев, мешки, сапоги, башмаки... От такого обилия товаров у крестьян рябило в глазах. Все было в диковинку, все изумляло: и лондонские соборы, и арки, и высокие деревянные дома под черепичными крышами, и крутые лестницы снаружи зданий.

Из матерчатого балагана на углу рыночной площади выскочил босоногий Панч* в оранжевом колпаке с бубенцом, закувыркался, захохотал. Потом высоко подпрыгнул, встал на голову и засучил в воздухе ногами.

Крестьяне сдержанно улыбались. Многие из них впервые попали в Лондон. Они еще не осознали того, что весь этот удивительный огромный город уже полностью принадлежал им.

Великолепен был только что отстроенный итальянскими и французскими мастерами Савой — дворец Джона Гонта. Казалось, сокровища всего мира заполнили эти залы, трапезные, покои, усталые восточными коврами. Чего здесь только не было: серебряное и стальное оружие, золотая посуда, сапфиры, изумруды, бриллиантовые ожерелья, коллекции монет всех стран и народов. Роскошные шелковые ткани окаймляли широкие окна.

К Темзе спускался сад с молодыми деревьями. В прозрачной листве безмятежно распевали непуганые птицы, журчали освежающие фонтаны, блистали позолотой в благоуханиях кастильских гвоздик причудливые беседки.

Герцог Ланкастерский был богаче короля. Земли, которыми владел Джон Гонт, составляли треть Англии.

Группа вооруженных кентцев во главе с Фарингдонном ворвалась во дворец, взломав ворота. Супруге Джона Гонта, Костанце, дочери кастильского короля, было предложено немедленно покинуть дворец вместе со всеми домочадцами. В отъезжающую карету впихнули старого перепуганного садовника и подстегнули как следует лошадей.

Крестьянам некогда было любоваться красотой и роскошью балконов, переходов, башен, башенок, надстроек. Они попали в ненавистное им, враждебное гнездо, откуда, по их убеждению, проистекали многие беды и страдания, и они занялись беспощадным

разрушением этого гнезда. Мебель рубили топорами и выбрасывали в окна. Рвали и резали ковры и гардины, потом швыряли их в костры, в реку. Били и расплющивали молотами посуду, драгоценные украшения растаптывали. И никому не надо было повторять приказ Тайлера о том, что восставшие — это «ревнители правды и справедливости, а не воры и грабители; и если кто-нибудь будет замечен в воровстве, его без суда предавать казни». Впрочем, один ослушался приказа и попытался спрятать за пазуху резной серебряный кубок. Незадачливого парня тотчас же бросили в огонь.

Разгорались костры в Савое. Разгоралась ненависть в сердцах. Все было изломано, перебито, разрушено. Не хватало главного виновника — владельца дворца. Тогда крестьяне среди выброшенной из окон одежды выискали мундир ненавистного герцога. Шитое золотом одеянье для придворных церемоний повесили на пику, воткнутую в землю, и изрешетили стрелами. Затем сняли лоскутья и изрубили топорами на мелкие куски.

Дворец подожгли факелами с четырех сторон и собрались уходить. Фарингдон и несколько кентцев уже вышли на улицу.

Но в этот момент из погреба раздались крики:

— Стойте! Стойте! Тут вроде бы золото!

Во двор перед дворцом выкатили три огромные черные бочки.

— Если это герцогское золото, то бросай его в огонь! Все равно от него не будет добра!

— В огонь! — закричали крестьяне, глядя на пылавшее пламя.

И бочки одна за другой полетели в костер... Страшной силы взрыв потряс воздух. Земля вздрогнула. Все заволкло густым дымом.

Когда дым рассеялся, жители, выбежавшие из ближних домов, увидели: дворец, его башни и стены — все исчезло. А над развалинами остервенело выплясывают языки пламени.

Фарингдон и несколько крестьян едва сумели выбраться из-под земли и обломков некогда роскошного дворца.

— Кажется, они все погибли, — сказал один крестьянин, глядя на дымящиеся руины.

— И слез от этого только прибавится, — сказал другой.

— Это был порох, — сказал Фарингдон.

В другой части Лондона эссексцы громили Темпль — главную резиденцию правоведов. Темпль принадлежал изуверу и грабителю, столь ненавистному каждому крестьянину, — казначею Хелзу. Затем Джек Строу и подоспевший к нему Фарингдон с оставшимися кентцами повели всех на разгром богатейших усадеб, принадлежащих маршалу* тюрьмы Маршалси, прославившемуся жестокими расправами над заключенными. Дворец казначея Хелза, который сам казначей именова́л не иначе, как «вторым раем», постигла та же участь, что и Савой. Отряд, руководить которым Тайлер поручил Тоби Снейку, ушел из Лондона на северо-запад — уничтожать поместья в Листоне.

Но главные враги еще оставались живы. Они засели в Тауэре. Именно сюда постепенно стекались отряды крестьян и располагались биваками на подступах.

Подошел и обосновался у пристани, на южной стороне крепости, 2-й Эссекский отряд Томаса Бекера. Томас велел разложить костры и готовить ужин. За продуктами послал Джона Пейджа и Джона Стерлинга. Они

вернулись скоро, притащив две корзины снеди и новенькие жестяные миски и ложки.

— Мы расплатились с лавочниками: шиллинг за десяток яиц и три — за жареную свинину, — гордо сообщали они.

Клеменс занялась варкой. Ей с явным удовольствием помогал Джон Стерлинг. Забежал навестить земляков пастух Боб Мок. На спине он притащил небольшой мешок и положил его бережно в сторонке. Потом, ослепительно улыбаясь, долго тряс всем руки. К Клеменс подошел с таинственным видом:

— Если хочешь, девочка, я доверю тебе один секрет.

— Скажи, скажи. Очень интересно! — так и загорелись глаза у Клеменс.

— Но ты понимаешь, я не могу говорить слишком громко. Вдруг кто услышит? Например, этот бродяга Стерлинг, который уже давно вертится вокруг, обнюхивая мои карманы.

— Никто не услышит. Я погремлю мисками.

— Опасно все-таки. Ты не знаешь, наверное, что произошло однажды с древним царем Мидасом...

— Опять какая-нибудь басня?

— Да нет же — правда. У него под старость выросли ослиные уши. В отместку за то, что он, как и я, любил игру на пастушьей свирели.

Клеменс рассмеялась.

— Вот-вот, ты права — очень смешно, когда у человека ослиные уши! И никто об этом не знал. Никто на свете, кроме царского цирюльника. А цирюльнику царь повелел держать секрет в тайне. Но ведь как трудно бывает молчать! — Боб сделал печальное лицо.

Клеменс вынула из корзины карпа и стала его чистить.

— Ты рассказывай, рассказывай, — просила она.

— Цирюльник не мог утерпеть. Он побежал в поле, выкопал там ямку и шепнул в нее: «У царя Мидаса ослиные уши», — потом закопал ямку и, успокоенный, пошел домой. Но на том месте в поле вырос тростник, и в его шорохе всякий, кто проходил мимо, слышал: «У царя Мидаса ослиные уши». Так все и узнали царский секрет.

Девушка сколупнула со лба пастуха несколько прилипших к нему рыбьих чешуек и спросила:

— Ну, а твой секрет столь же опасен?

— Да, конечно, — сказал Боб. — Вот посмотри.

Он вытащил из кармана огромный пряник, осыпанный тмином.

— Мне его дали в придачу к двум петухам... Это тебе...

Клеменс сконфузилась и стала быстро бросать на шипящую сковородку куски карпа.

Джеймс сидел в сторонке. Голова у него была все еще перевязана, но болела уже меньше. С ним рядом Джон Пейдж усердно начищал свое копье. Бена с его изуродованными ордалией руками отправили домой.

— До чего же крепки и высоки эти стены, черт побери! — сказал Джон Пейдж. — Могу поклясться, они повыше рочестерских.

— Да, здесь футов тридцать, — прикинул Джеймс, задирая голову. — Такие и пушкой не возьмешь.

— Ничего, Джеймс, у тебя есть опыт брать высокие башни. К тому же, железная стрекоза, о которой ты рассказывал, еще не попалась. А ведь ее надо поймать во что бы то ни стало.

— За этими стенами прячутся стрекозы покрупнее, — сказал Джеймс.

Серые сумерки опасно заглядывали в узкие окна, вдувая в каменные коридоры преловатый воздух

с Темзы. Плеск волн и крики людей на берегу увязали в многофутовой толще крепостных стен Тауэра.

В зале, украшенном роскошной росписью еще со времен Юлия Цезаря, стояло на постаменте высокое позолоченное кресло. От него к узорчатому полу спустились ступени. Юный Ричард, сидевший на горностаевой мантии, казался совсем маленьким в своем черном бархатном камзольчике и черных, обтягивающих тонкие ноги панталонах. Пояс, усыпанный синими и зелеными сапфирами, туго обхватывал талию.

Посередине зала, за столом расположились двое писцов. Перед ними на раскрытой книге лежала круглая государственная печать. Ее только что швырнул на стол архиепископ и канцлер Симон Сэдбери, слагая тем самым с себя все полномочия.

В мягких креслах вдоль стен сидели, насупившись, лорды.

— Как случилось, Уолворт, — наконец нарушил тягостное молчание Ричард, — что восставшие оказались в Лондоне?

Длинное лицо мэра еще более вытянулось.

— Сир, я еще вчера приказал поднять мост и запереть на ночь ворота. Олдерменам было поручено расставить стражу.

— И все же бунтовщики здесь. И у нас только шестьсот человек охраны, как утверждает граф Букингэм. А их — тысячи.

— Я бы мог собрать вооруженных людей из богатых лондонцев. Тысяч шесть-семь... И мы бы разогнали этот сброд, — сказал, стараясь показаться уверенным, Уолворт.

Ричард поднял голову.

— Что думает сэр Роберт Ноллз?

— Я думаю, что Уолворт прав, государь. Мы должны напасть на негодяев и разогнать их. Но чем быстрее, тем лучше.

— Воздаю должное вашей храбрости, кондотьер *. Похвально, что вы не складываете печати, как Симон Сэдбери.

Архиепископ сидел рядом с Жанной Кентской и графом Букингэмом. С тех пор как он узнал, что его дворец в Ламбете уничтожен, он словно оцепенел и почти перестал говорить.

— Мне непонятно, почему молчат граф Латимер и наш почтеннейший казначей Роберт Хелз,— сказал Ричард. — Как мы успели заметить, бог не обидел их речью, и особенно на Королевских советах.

Латимер пожал плечами. Лицо Хелза не изменилось. Глаза по-прежнему смотрели тускло и ровно.

— Сэр Роберт Хелз пострадал больше всех, государь, — сказал Генри Болингброк. — Только что сообщили, что уничтожено еще одно его поместье — в Хайбери.

— Однако же уничтожен и дворец твоего отца, Генри.

— Я готов отомстить за это и всегда к вашим услугам, ваше величество.

— Я тоже, — схватился за шпагу семнадцатилетний граф Оксфорд.

— Но, государь, оставьте это. Так можно впасть в ошибку, — поднялся с места граф Солсбери. — Разве можно в нашем положении говорить о нападении на восставших? Мы отрезаны от всей Англии со своими шестьюстами стрелками. Вокруг нас бунтовщики. Вчера поднялись люди аббатства Сент-Олбанс. Там появился некий бедняк, отлученный от церкви

за греховные мысли, и он верховодит крестьянами. Я предлагаю дать повстанцам то, что они хотят.

Лорды обеспокоенно зашептались. Граф Латимер выразительно посмотрел на короля.

— Вы тоже складываете свою печать, Солсбери? — спросил Ричард.

— Нет, государь. Я считаю, что вам надо наконец взглянуть на вещи трезво и прекратить эту игру со шпагами.

Ричард сдвинул тонкие брови.

— Неужели вы все это говорите всерьез, граф? — спросила с издевкой Жанна Кентская и поднялась со своего кресла. Она подошла к трону и положила руку, обвитую хризолитовым браслетом, на руку Ричарда, подрагивающую на подлокотнике.

Солсбери поднял голову и опустил глаза.

— Государь, — выступил вперед Уолворт. — У вас еще есть верные слуги, которые в состоянии с оружием защитить не только свои разрушенные дома, но и королевство. Приказывайте — мы последуем вашему велению.

Ричард встал, отстранил жестом Уолворта и направился через зал к Солсбери.

— Я н-не ожидал от вас, граф, — сказал он, глядя близко ему в лицо. — Вы, герой Пуатье, блестящий рыцарь, и... так низко падаете в минуту опасности.

— Я падаю, государь, чтобы крепче встать. Другого выхода нет. И если бы Джон Гонт был здесь, он поступил бы точно так.

— Зачем клеветашь на отца?! — схватился за шпагу Генри Болингброк.

— Взгляните-ка лучше в окна, лорды. Мы в огне! Горит вся Англия, — заговорил вдруг Симон Сэд-

бери. — А ты, Генри, охлади свой пыл. Сейчас он совсем не к месту. Наберись терпения.

— Терпение, терпение! Пусть терпят простолюдины. А ты — изменник! Недаром народ так тебя и прозвал: изменник!

Сидевший рядом с Генри Джон удерживал его за руки.

— Может, ты и меня назовешь изменником? — спросил граф Солсбери.

— Да, и тебя! И Уолворта! И Ленгли, постыдно убежавшего в Португалию! И всех! Вы все предали Англию!

— Успокойся, Генри! Я вам советую послушать Солсбери. Мне кажется, он предлагает то, что нужно, — раздался ровный, негромкий голос Хелза. — Послушайте графа, государь! Вылазка нас не спасет. Быть может, поначалу мы и оттесним бунтовщиков. Но кто предугадает, чем все это кончится. Разве мы жаждем уличной резни? Разве мы хотим обратить наше отечество в пустыню?

Ричард поднялся, подошел к окнам. Оранжевые блики костров вспыхивали на рамах.

— Пусть скажет Солсбери, коль он действительно знает, как поступить.

— Сир, господа, я предлагаю даровать им то, что они просят, и обещать свободу. Это их успокоит. Они уйдут. А обещание всегда можно взять обратно. Вам верят, государь. И вы напишете своею рукою, что согласны выполнить их требования. Скрепите печатью и передайте им. Другого мы ничего сделать не можем. Крестьяне — здесь, они вооружены, и у них есть вождь, не лишенный сообразительности, Уот Тайлер.

Ричард повернулся к Солсбери.

— Вы назвали его вождем?

— Не я, ваше величество, — крестьяне.

— Кто он?

— Не знаю, государь. Но, если верить рассказам сражавшихся с ним рыцарей, смутьян довольно смел и дерзок.

— Подайте мне перо и чернила. Я напишу письмо. Диктуйте, граф.

Ричард сел за стол. Солсбери подошел к нему:

— Пишите, государь: «Крестьяне! Я, божьей милостью, король английский Ричард Второй, благодарю свои добрые общины за их верность и...»

— Вы слышите, что говорит сумасшедший Солсбери? — выкрикнул Генри. — И вы все молчите?!

— Пусть король убедится в его ошибке сам, — сказал Латимер.

— «...Но я хочу и приказываю, чтобы вслед за этим, — продолжал диктовать Солсбери, — все вы поспешили домой и чтобы там каждый изложил свои жалобы и прислал их мне. И тогда я, посоветовавшись со своими лордами, — Солсбери сделал особенный акцент на последних словах, — измыслю такое средство, которое будет на пользу мне, и моим общинам, и всему королевству». Так. Подпись. Запечатайте. Кто отнесет письмо? — Он оглядел зал.

— Наш доблестный сэр Ньютон не вернулся после встречи с ними. Его несчастные сыновья приехали из лагеря бунтовщиков в полном смятении, — сообщил Ноллз.

— На этот раз я стану послом! — вскочил со своего места граф Оксфорд.

— С вами отправится адмирал Томас Перси. Так я сказал, государь? — спросил Солсбери.

— Пусть будет так, — сказал Ричард.

— Пойдемте все на башню. Оттуда можно уви-

деть, как крестьяне встретят рыцарей, — предложил Уолворт.

Было уже темно, когда король и советники поднялись на башню. Со всех сторон Тауэр окружали мерцающие огни костров. Воздух пропитался гарью.

Внизу, на площадке, в пятне света стояли рыцари. К ним сбегались крестьяне. Их становилось все больше. Рыцарям приволокли кресло. Было видно, как граф Оксфорд взобрался на него, развернул письмо и стал читать. Когда он замолк, несколько минут слушавшие стояли неподвижно. Ни единого звука не услышали лорды, наблюдавшие за толпой сверху. Оксфорд свернул бумагу и крикнул:

— Идите по домам! Король прощает вас!

И вдруг повстанцы захохотали.

— Утри своей бумагой нос! — кричали они. — Все это ерунда!

— Короля! Смерть изменникам!

— Короля Ричарда!

— Мы никуда не уйдем! — крикнул один из них, светловолосый, усиленно размахивая руками. — Ваша бумага — насмешка! Нам нужен Ричард!

— Вы слышите, ваше величество? — спросил граф Латимер.

— Я хотел бы, чтобы это слышал граф Солсбери, — ответил Ричард. — Ведь я поступил точно так, как он сказал.

— Мы в осаде, государь. У нас нет путей отсюда. Шпага приведет к гибели, — упрямо повторил Солсбери. — А переговоры с ними еще могут нас спасти.

Жанна Кентская набросила на Ричарда свой шерстяной плащ.

— Да, господа, государю придется лично встре-

титься с ними. И немедленно. Пусть завтра. И подальше отсюда, — чтобы, помимо всего прочего, оттянуть от Тауэра хотя бы кентцев, закрыть ворота и раздробить мятежников. Пусть встреча будет в Майл Энде, — сказал Солсбери.

— Они убьют его! — вскрикнула Жанна.

— Не беспокойтесь, государыня. Крестьяне должны поговорить с королем Ричардом. Пишите вновь письмо, ваше величество. И обещайте встречу в Майл Энде.

— Его величество сам понимает, что час настал и он обязан сказать свое слово, — встал со своего места Хелз. — И да будет мужество при нем!

Все переглянулись.

— Да благословит господь нашего короля, — сказал Сэдбери.

Ричард посмотрел на мать. Она отвела глаза. Взоры остальных были нацелены на него, как острые пики, со всех сторон. Он зябко поежился.

— Ну же, государь, смелее, — вкрадчиво сказал и лорд Латимер.

— Идите все отсюда! — почти выкрикнул Ричард. — А вы, Солсбери, напишите еще письмо. Поставьте печать. И передайте вожаку.

Ричард остался один под черным холодеющим небом. Он сел на каменный выступ у бойницы и устало прислонился к стене.

Шум лагеря внизу стихал. Ричарду показалось, что он и впрямь один в этом непонятном огромном мире. Но одиночество освежало, вливало в него утраченную бодрость. Он плотнее закутался в плащ, положил голову на руку и прикрыл глаза...

Его разбудила песня. Она доносилась издалека. Ричард прислушался. Кто-то тихо пел. Песня была о девушке, покинувшей своего возлюбленного. Он остался один на земле — страдать и вспоминать о ней, о ее платье с зелеными рукавами, в котором она приходила к нему на свидание... Ричард никогда не слышал этой песни, и он никогда не думал, что такими простыми, незамысловатыми словами можно сказать о любви... Он поднялся и направился к лестнице. Осторожно ступая, стал спускаться вниз, стараясь не потерять легкую и грустную мелодию. В башне никого не было. Ричард прошел на ощупь нижним коридором, распахнул дверь и оказался за стенами Тауэра, на берегу Темзы...

Навстречу ему от реки поднималась девушка с корзиной в руке. Другой рукой она придерживала широкую юбку. Увидев стоящего на дороге Ричарда, во всем черном, девушка замедлила шаги.

— Ты пела? — спросил он.

— Да, — сказала девушка и отпустила намокший подол полосатой юбки.

— Мне понравилась песня. Кто научил тебя ей?

— У нас в Фоббинге ее все знают.

— Где это Фоббинг?

— Там, — девушка указала рукой куда-то в сторону костров. — Самая вкусная форель водится у нас в Фоббинге. А вы откуда?

— Оттуда, — Ричард указал рукой на Тауэр. — Я... паж короля.

— О-о! Значит, вы его увидите?!

Девушка с любопытством смотрела на Ричарда.

— Я пришла сюда из Фоббинга, чтобы увидеть короля. И все они, — девушка оглянулась на лагерь по-

встанцев у пристани, — тоже. Это его самые верные люди...

— Почему они здесь?

— Крестьяне хотят рассказать королю о том, что им плохо живется.

— Они ушли с полей, бросили работу...

— Они вернутся, как только докажут свою правоту.

— Как тебя зовут?

— Клеменс... Жутко, наверное, сидеть в этой башне. Здесь, на берегу, лучше. Темза такая ласковая. Ты любишь ее?

— Да, конечно... Особенно по ночам, когда светит луна.

— А сейчас она красная. И это тоже красиво.

— Это страшно.

— А ты не бойся. Все будет хорошо. Темза опять станет серебряной. И мы будем любоваться ею. Ты — здесь, а я — у себя дома, в Фоббинге.

— Что ты делаешь дома?

— Иногда плету корзины. Чтобы продать на базаре.

— У тебя бывает много денег?

— Совсем нет. Их отбирает барон.

— И эту корзину ты тоже сплела сама?

— Нет, это не моя корзина. Мне дал ее дядюшка Пейдж. Я ходила мыть миски.

— Смотри, там, за мостом, горит Темплъ. А дальше — Савой, а на том берегу горят тюрьмы Королевской скамьи и Маршалси...

— Я не успею запомнить эти названия, как всех их не станет...

— Вы можете поджечь и Тауэр. Это тоже во имя верности и правоты?

— В Тауэре король. А там... — она указала рукой на

этот раз в сторону пожарищ, — там те, кто обманывает короля.

— Ты всегда так легко разбираешься, кто кого обманывает? — Ричард повернулся и пошел к башне. У самой двери он поскользнулся и, не удержавшись, упал в грязь.

Клеменс подбежала к нему и помогла подняться.

— Вы ушиблись?

— Нет, ничего. Мне совсем не больно.

— А вы здорово загрязнились. Вас теперь заругают.

— Кто же?

— Давайте я помогу отмыть коленки. Какой у вас пояс! Весь переливается.

— Тебе нравится? Его прислал из Португалии мой дядя. Но мне больше нравятся венецианские пояса... Прощай.

— Прощайте, сэр, — сказала Клеменс. Она видела, как юноша прошел к двери и быстро исчез. Дверь гулко захлопнулась за ним.

Клеменс, забыв о корзинке, побежала туда, где располагался отряд Бекера. Она нашла среди спящих отца, растормошила его и горячо зашептала ему в ухо:

— Отец, отец, проснись же, я видела короля!

— Ты что, с ума сошла или тебе пригрезилось?..

— Да, да, это был он, наш король. И я сказала нашему королю, чтобы он не боялся крестьян. Мы защитим его от изменников.

Джеймс тяжело перевернулся на другой бок и опять заснул.

Этой же ночью в деревянном доме Томаса Фаррингдона собрался совет вождей восстания. Здесь были Уот Тайлер, Джон Болл, Джон Керкби, Джек Строу,

Абель Кер, Томас Бекер, Алан Тредер, Джон Стерлинг, Тоби Снейк.

Скорое овладение Лондоном вселило в крестьян новые надежды и уверенность. Они знали, что те силы, которые могли прийти на помощь королю и его двору, осажденным в Тауэре, немногочисленны и разобщены. А число восставших превышало уже сто тысяч.

Но у короля была еще другая — магическая сила. Она заключалась в его королевском титуле. Его величеству верил народ. Только с именем короля можно было окончательно сломить сопротивление знати и церкви, подчинить их себе.

Приехавший от государя рыцарь принес ожидаемое известие: завтра, в пятницу, 14 июня, в 7 часов утра король явится на встречу в Майл Энд и сам выслушает требования восставших.

Эти требования, четко сформулированные, были записаны на листках бумаги, лежащих перед Тайлером. Их составили скрупулезно, после долгих обсуждений, с полной ответственностью за судьбы истерзанной, раздираемой бедствиями страны.

Во-первых, от короля требовали освобождения вилланов от какой бы то ни было личной зависимости.

Во-вторых, король должен был дать обещание, что не будет преследовать восставших и дарует всем и каждому прочный мир.

В-третьих, освобожденные крепостные должны получить право свободной, беспошлинной торговли во всем королевстве.

И, в-четвертых, крестьяне требовали установления денежной ренты за землю — не более четырех пенсов с акра в год — взамен прежних повинностей.

В этих требованиях были все надежды обездоленного люда на справедливость, все мечты о свободе.

Но о какой свободе могла идти речь, если были живы главные виновники бедствий народа? Их надлежало казнить. В первую очередь это касалось герцога Ланкастерского Джона Гонта, архиепископа Кентерберийского и канцлера королевства Симона Сэдбери, казначея Роберта Хелза, судьи Роберта Белкнепа, сержанта Джона Лега. Господ надо было убрать. Не зря девизом восстания стали слова Джона Болла: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда господином?»

Так говорил Болл. А что он думал сейчас, на совете, сидя рядом с Тайлером и глядя на него чуть припухшими от бессонницы глазами?

Болл всегда трезво оценивал окружающее. Столь трезво, что перенесенное дважды отлучение от церкви, от всемогущего, не изменило его убеждений — всего того, что, по его же словам, «заставляло любить жизнь и огромное количество людей в этой жизни».

Но Тайлера он не просто любил.

Этот человек вызывал у пожилого священника преклонение. За внешним спокойствием Тайлера Болл угадывал страсть, порыв, волю. Уот не суетился, не растрачивал силы по пустякам. Он берег их для главного — того, что, в конце концов, позволило бы людям жить на земле открыто, спокойно, честно.

В Колчестере и в Дартфорде, где работал после возвращения из Франции Тайлер, к нему нередко заходили бедные ремесленники — они приходили «за правдой», приводили своих родичей из деревень. И они слышали эту правду, но произносилась она шепотом.

А теперь Тайлер говорит громко. И его слова повторяет вся Англия.

Почувствовав на себе взгляд Болла, Уот обернулся. «Ничего, ничего, парень, крепись»... — как бы говорил священник.

Уот усмехнулся и начал складывать в одну пачку разложенные на столе листы. Он всегда понимал Болла без слов.

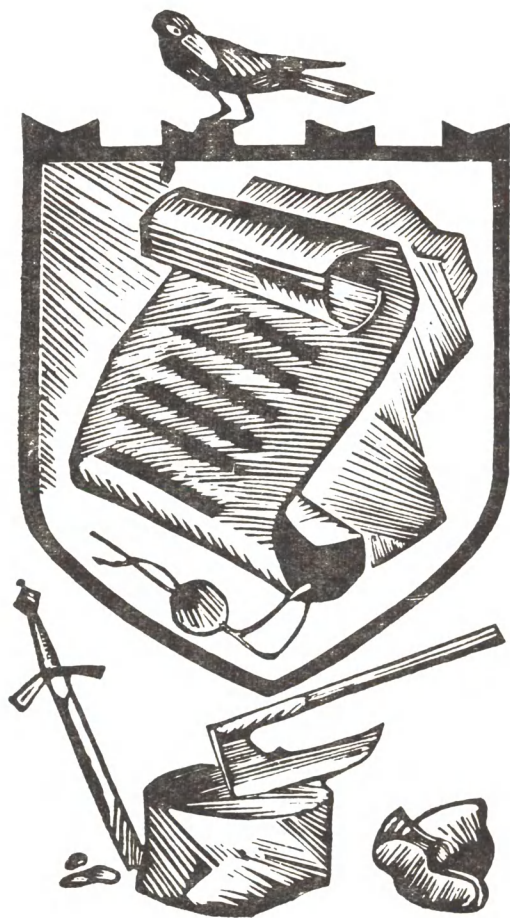
Джон Болл поднялся со скамьи и сказал, обращаясь ко всем:

— Мы вершим справедливость. Пусть эта мысль подкрепляет нас. Послушайте, что написал Чосер о времени нашем, испорченном дурным правлением недотеп и трусов, чью подлость привыкли считать гибкостью, а зависть — честью:

Так извратился мир, что в нем навряд ли
Отыщем ныне честное создание.
Народу гибелью грозит шатанье.
Что в этой перемене виновато,
Как не всеобщей распри страшный яд?
Ведь на того, кто не обидел брата,
Не обобрал его, как супостат,
В наш век с пренебрежением глядят.
И честь и ум под подозренье взяты,
Глумится над невинностью разврат.
Полны все души завистью проклятой,
Дух милосердья духом чванства снят,
Честь, правда, преданность ушли в изгнанье...

— Стоит ли жалеть о таком мире?— спросил Тайлер. И сам же ответил:— Не стоит. И он должен погибнуть. А мы, коли замахнулись, будем рубить сплеча. И никакие жертвы нас не остановят. Да будет смелость и верность с нами!

— *Fit via vi* — дорогу пробивает сила... — закончил Джон Болл позднее собрание.

— КОРОЛЬ — БЕЗУМЕЦ!
— ВСЕМ ВАМ ВЫПАСТЬ
ИЗ СКОВОРОДЫ — ДА В ОГОНЫ!

Из хроник

«Около 7 часов король отправился в Майл Энд».

«Да будет ведомо, что по особой милости мы отпускаем на волю всех верных подданных наших...»

Король едет! Коро-о-оль...

Крик пронесся над площадью и вернулся к Олдгейтским воротам протяжным вздохом тысяч людей.

Ворона взлетела с зубчатой стены, покружила в прозрачном воздухе и опять опустилась на зубцы.

За стенами раздался звук трубы. Ворота каменной крепости раскрылись. Два стража вышли, высоко держа копьё, и стали по обеим сторонам.

Все, кто был на площади, подались вперед и затаили дыхание. Даже ворона на зубцах наклонилась, как бы приглядываясь к происходящему.

На коне, покрытом серой тяжелой тканью, выехал вестовой с медной трубой в руках. За ним на некотором расстоянии шествовал богатый вельможа, белый плащ его волочился по земле. На вытянутых руках он нес плашмя государственный меч Англии.

Из ворот показалась кавалькада под королевским знаменем. Ехали знатные лорды и рыцари, гарцевали достойнейшие мужи королевства, ослепляющие золотом и серебром регалий, ярким бархатом плащей.

Показались королевские оруженосцы. Их было две-

надцать. За оруженосцами верхом на белом скакуне выехал сам король Ричард. Тонкая шпага сверкала на поясе. Светлые волнистые волосы государя шевелились от ветра над бледным, без единой кровинки лбом. Он был красив, этот юный король.

Толпа замерла. Рука наездника натянула поводок, лошадь остановилась. Ричард качнулся в седле.

И вдруг кто-то закричал, вскочив на тумбу спускающейся к Темзе лестницы:

— Да здравствует Ричард Второй!

И толпа подхватила крик, повторив его громко:

— Да здравствует Ричард Второй!

Король, казалось, побледнел еще больше и рассеянно оглядывался. К нему уже спешили адмирал Томас Перси и кондотьер Роберт Ноллз.

Выкатившаяся из ворот Тауэра золоченая карета, запряженная тройкой черных скакунов, приостановилась. Из нее испуганно выглянула Жанна Кентская.

Томас Перси поднял руку и так проехал вперед, вдоль плотной стены горожан и крестьян.

Лошадь короля послушно пошла за ним. Следом двинулась свита. Толпа молчала.

Когда королевский кортеж поравнялся с местом, где стоял Томас Фарингдон, тот вдруг тряхнул головой — не выдержал. Передал копьё стоящему рядом Алану Тредеру, выбежал на дорогу и бросился наперерез белой лошади его величества.

— О государь! Воля божья свела нас сегодня! Иначе ничем не объяснить эту невероятную встречу. Выслушай меня, государь!

Люди встревоженно смотрели на Фарингдона. А он отступал по дороге перед сдерживаемой поводьями, медленно переступавшей лошадью.

— Чего хочет этот человек? — произнес Ричард, повернувшись к Ноллзу.

Кондотьер осторожно тронул Фарингдона концом плети, покосился на толпу, спросил:

— Кто ты и чего хочешь?

Фарингдон сбивчиво заговорил:

— Я лондонец... Томас Фарингдон. Но я встал в ряды восставших крестьян. Вчера я вместе с ними требовал казни Сэдбери и Хелза, вместе с ними жег и громил Савой...

Фарингдон отбросил со лба упавшую прядь волос и продолжал медленно отступать перед лошадей.

— Но я не разбойник! Нет! Я ищу избавления от несправедливостей жизни. А сейчас я увидел короля и понял, что есть еще выход — рассказать всемогущему монарху всю правду обо мне. Пусть послушают и те, кто боится правды пуще огня. — Фарингдон метнул злобный взгляд в сторону Перси и Ноллза.

— Говори. Я слушаю тебя, — сказал Ричард и еще немного приостановил лошадь. Замедлила ход кавалькада впереди. Лорды оглядывались, беспокойно переговаривались.

— Три года назад я был богат. У меня было поместье и яблоневый сад. Именно это и не давало покоя одному негодяю — вы, государь, знаете его лучше меня, — Симону Сэдбери. Обманом и хитростью он лишил меня земли. Чтобы оправдать свое злодейство, Сэдбери оклеветал меня. Ваше величество, меня ограбил завистник, человек без чести и совести. И я взялся за оружие.

Фарингдон оглянулся на Тредера, несшего два копыя.

— Отомсти за меня, государь, грабителям и обманщикам, снующим по земле. Да будет божья воля твоя...

Фарингдон замолк и остановился.

Ричард закусил губу и нахмурил лоб, потом что-то сказал Ноллзу. Тот подъехал вплотную к Фарингдону и выдавил сквозь зубы:

— Все получают то, что им причитается по праву. И ты тоже.

Тредер подошел к Фарингдону, обнял за плечи, потянул в сторону. И они стали пробираться сквозь толпу по направлению к Тауэрскому холму.

Ричард оглянулся.

— Не беспокойтесь, ваше величество. В Тауэре, по моему приказу, оставлен гарнизон, — сказал Ноллз.

Когда Ричард проезжал мимо часовни, к нему выбежали еще несколько человек.

— Ваше величество, соблаговолите выслушать Уильяма, — размахивая руками, кричал парень в длинной робе. — Он самый лучший работяга в нашей пивоварне! Выслушайте его, ваше величество!

Ричард опять приостановил лошадь. Пивовара подтолкнули вперед, и он, угловато отвесив поклон, проговорил:

— Я верю в справедливость, ваше величество. И поэтому, государь, вы должны знать, что лондонский мэр — обманщик и плут.

Подъехавший к королю Уолворт грозно взирал на простолюдина, конь его мотнул головой.

— Почему же он плут? — король указал на Уолворта. — Чем он обманул тебя, пивовар?

— Не этот, государь, другой. Другой мэр...

— Другой? Как это понять? В моей столице один мэр.

— Другой, государь. Он был мэром раньше, еще до этого господина, — пивовар посмотрел на Уолворта. — Тот, другой, мэр взял с меня штраф целых пять марок.

А за что? Только за то, что пиво, которое я готовил, оказалось вкуснее, чем у моего соседа. Он заявил, что я отбиваю у соседа покупателей. Разве это справедливо? Разве так можно им поступать, если они мэры?

Уолворт что-то сказал королю и знаком подозвал пивовара.

Уильям приблизился.

Ричард тихо произнес:

— Придешь к нему, пивовар, и получишь свои пять марок...

Растерявшийся пивовар что-то хотел еще сказать, но увидел только круп удаляющейся лошади.

— Что, брат, получил? — осклабился сухонький, весь сгорбившийся торговец амулетами с большим фанерным ящиком на груди.

— Не скалься, а то я тебя заставлю сказать «сыр». И пусть все хохочут, когда ты прогнусавишь «шир», как все твои картавые фламандцы. А ты очень даже смахиваешь на фламандца....

— Сыр, я говорю сыр, — испуганно залепетал торговец амулетами, увидев налившиеся кровью глаза пивовара. Он хотел отступить в толпу, но ему мешал фанерный ящик.

— А как ты скажешь «хлеб», а? — наступал на него пивовар.

Торговец втиснулся наконец между двумя горожанами, но ящик вдруг треснул и развалился на куски. Из него прямо под ноги посыпались волшебные талисманы: волчьи зубы, птичьи хвосты, перья...

— У-у! — взвыл прорицатель. — Чтоб вам всем выпасть из сковороды в огонь!

Круглая жестяная ладанка откатилась к середине дороги. Маленький вещун потянулся было за ней, но тут же отдернул руку. Жестяную коробочку раздавило

копыто коня, галопом скачущего назад, к Тауэру. Всадник с перевязанной до локтя рукой кричал догонявшему его рыцарю:

— Король — безумец! Скорее на Картер-Лейн!

— Всем вам выпасть из сковороды — да в огонь! — повторил торговец, отряхиваясь. Рядом с ним лежала слетевшая с рыцаря синяя шляпа. Она была украшена желтым блестящим перышком.

Майл Энд — небольшая деревушка, окруженная лугами. Обычно она служила лондонцам местом для загородных прогулок. Сейчас здесь должно было произойти нечто иное — такое, чего еще никогда не видела обездоленная земля Британии.

Пятый день лезвия копий, мечей, топоров врезаны в дымное небо над Лондоном. Пятый день пустуют без крестьян налившиеся ранним соком луга. Пятый день король, его свита и гости не могут выехать на охоту в роскошные виндзорские рощи.

Армия восставших с двумя знаменами святого Георгия Победоносца ожидала в полном боевом порядке своего короля. Наконец-то государь услышал их, наконец-то внял бесконечным мольбам. Наконец-то его величество ниспошлет справедливость и благоденствие возлюбленным подданным.

Ричард и сопровождавшая его процессия появились на большой поляне, где были намечены переговоры. Армия восставших приветствовала государя, преклонив колени.

— За короля Ричарда и его верные общины!

Группа повстанцев во главе с Уотом Тайлером и Джоном Боллом направилась к королю.

— Добро пожаловать, наш король Ричард! — громко

произнес Уот Тайлер, приблизившись. — Позволь передать тебе петицию. В ней изложено все, с чем пришли сюда эти люди. — Уот показал рукой назад. Потом он опустился на одно колено и протянул свернутый в длинную трубку список.

Юный король, наклонившись, взял список. Потом выпрямился в седле, взглянул на Уота. Тот смотрел снизу вверх с вызовом и в то же время, как показалось Ричарду, ласково. Никто еще никогда не смотрел на него так. В лице простолюдина не было ни лести, ни испуга, ни лукавства, столь привычных для лиц королевских придворных. Ричард не мог отвести взгляда от дерзкого дикаря в простой посконной рубаше. Не понимая, почему король медлит, Уот заговорил снова:

— Ваше величество, окажите нам честь и ознакомьтесь со списком...

Лорды молча наблюдали за ними. Уот поднялся и встал во весь рост.

— Послушайте, ваше величество: я скажу вам, что там написано и чего хотят крестьяне. Помимо свободы жить, работать и торговать, они требуют казни изменников. А в том, что такие, как архиепископ Сэдбери и казначей Хелз, — изменники, никто не сомневается. Вот взгляните на этого священника. Это Джон Болл. Он никому не делал зла и сеял всюду только добро. Его любит народ. А архиепископ Сэдбери заточил его в тюрьму. Он люто ненавидит всех, кто защищает простых тружеников. А казначей Хелз — как он распределяет государственные доходы? Они почему-то текут только в карманы богачей, а крестьянам не остается ни пенни...

Ричард сказал тихо:

— Ты хочешь смерти?

— Не я, государь. Так хочет сама справедливость.

— Но те, чьей казни требуют крестьяне, вовсе не виновны. Они охраняют интересы государства и его политику.

— Ваше величество! Кто потворствует плохому, тот вредит доброму. Эти люди виновны перед народом, повинны перед тобой и перед законом. Мы можем доказать это.

Ричард взглянул на священника в коричневом плаще, на армию восставших, освещенную утренним солнцем, и произнес ровно, без запинки, как будто читал по книге:

— Ну что ж, если вы требуете этого, они будут арестованы и с ними поступят по закону так, как они заслуживают.

Уот усмехнулся с горечью.

— Это слишком неопределенно, государь.

По рядам лордов прошел ропот. Ричард закусил губу и оглянулся.

— Так ч-чего же ты хочешь?

— Разрешите, государь, тем, кто пострадал от изменников, собственными руками покарать их.

Солсбери встретился взглядом с Ричардом и еле заметно кивнул.

— Ну-у, если ты так желаешь, пусть и эта твоя воля исполнится. Чего еще ты хочешь от меня? — спросил Ричард.

— Я могу изложить нашу программу, государь.

— Слушаю тебя.

— Согласитесь, ваше величество, что Англия не занимает того положения, какое ей подобает. Я и многие люди со мной долго думали над этим. И пришли к выводу: причина тяжкой жизни одна. До сих пор, как сто, как двести и триста лет назад, крепостное право сковывает силы людей...

Ричард слушал внимательно. Лошадь под ним изредка переступала ногами.

— Крепостную зависимость, государь, нужно упразднить. Все повинности, налагаемые на земледельцев, отменить. Вилланам надо стать свободными. И землю держать на условиях денежного вознаграждения — четыре пенса с акра в год, не больше.

— Ты действительно много думал над всем этим? — спросил Ричард. — Скажи, кто ты?

Уот подошел к лошади короля, положил широкую ладонь на ее теплую вздрагивающую шею и сказал:

— Государь, человек я.

Придворные зашукалились.

— Такой же, как вы, как они, — Уот кивнул в сторону придворных. — Такой же, как они, — он показал на свою армию. — Имя мое — Уот Тайлер. Теперь я попрошу, ваше величество: уж коли вы так добры, запишите ваше согласие с нашими требованиями. И даруйте восставшим крестьянам амнистию.

Тонкие брови Ричарда сдвинулись к переносью.

— Как это можно? — спросил он. — Как я могу это сделать? — К нему подъехали Ноллз и Солсбери. Они уже с ненавистью смотрели на Уота.

— А очень просто, — как бы не замечая их злобных взглядов, ответил Тайлер. — Пусть ваши клерки напишут вашу волю на многих листках и поставят королевскую печать. Потом вы подпишетесь, и мы эти грамоты разошлем с гонцами по королевству.

— Ты хочешь всего сразу... Я посоветуюсь...

Уот поклонился и отошел к сопровождающим его Боллу и командирам отрядов. Ричард отъехал к группе лордов.

Через несколько минут король сделал знак Уоту Тайлеру приблизиться. В руке государь держал знамя.

— Смотри, Уот Тайлер, один из лордов уже отправился за клерками. Он привезет их в Майл Энд, и они быстро, как ты просишь, напишут грамоты. А чтобы ты верил моему слову, я сам передаю это знамя вашим избранникам от каждого графства в знак того, что беру их под свое покровительство. А тебя и... тебя, — король указал на Джона Болла, — я беру в свой совет.

Уот улыбнулся открыто и довольным. Он поднял руку и помахал повстанцам. Ему ответили дружелюбным гулом.

— Поезжай, Керкби. Скажи, что король вручил нам свое знамя.

— Не надо, — сказал Ричард. — Это сделаю я сам.

Он пришпорил лошадь, и она галопом понеслась к рядам восставших, выбивая копытами комья земли.

— Остановите его! Остановите! — выкрикнула из окна кареты Жанна Кентская.

Но Ричард никого и ничего не слышал. Белая лошадь несла его уже вдоль линии восставших. Он еле удерживался в седле, изо всех сил натягивая уздечку. В правой руке у него билось знамя. Крестьяне отчаянно кричали. И ничего нельзя было понять в их нечеловеческом реве.

Проскакав вдоль двух длинных рядов повстанцев, лошадь короля остановилась, сбрасывая с удил пушистую пену. К королю скакали Ноллз и Перси.

Ричард тяжело дышал. И почему он решил, что сейчас увидит среди восставших ту девушку с нежным голосом, которую встретил прошлой ночью? Ее не было здесь. Она осталась там, на берегу Темзы, в лагере... Он безучастно сунул знамя крайнему в ряду, молодому улыбающемуся крестьянину, и рванул поводья.

— Зачем так рисковать, ваше величество? — обеспокоенно заговорил Перси. — Вы забыли об осторожности.

Эти люди способны на все. К тому же из Тауэра, где оставлены Сэдбери и Хелз, получены плохие вести. Сейчас лучше возвращаться, но не в Тауэр, а в вашу резиденцию на Картер-Лейн. Туда уже отбыли граф Кентский и сэр Джон.

— Граф Кентский и Джоч покинули свиту?

— Жалкие беглецы! Ничтожества! — выкрикнул Ноллз.

— А вы великий артист, государь, — сказал подъехавший Солсбери. — Вы даже не представляете, что вы сделали сегодня! Вы не только отлично сыграли предложенную вам советом роль. Вы спасли Англию!

Ричард, отвернувшись, смотрел вдоль рядов восставших.

— А эти негодяи беснуются от радости! Они считают, что победили, не так ли? Но комедию надо кончать, — продолжал уже жестко Солсбери.

— За-амолчите же, — выговорил Ричард и сжал в кулаки свои тонкие пальцы. Он обернулся к Ноллзу и Солсбери. На лице его было что-то похожее на отчаяние.

— Мы сегодня победили, Уот, — сказал Джон Керкби, не в силах сдержать радость. — Ты понимаешь? Эти клерки пишут грамоты, в которых наша свобода и власть. Мы спасли Англию, доказав королю нашу правду.

— Подожди, Джон, — Уот прошел к навесу, где за столами, вынесенными из таверны, корпели тридцать чиновников.

— Дайте мне ваши листы!

Уполномоченный королевской канцелярии угодливо подал Тайлеру готовую грамоту. На ней стояла большая королевская печать.

— Ты прочитай, — сказал Уот.

Уполномоченный откашлялся и зачитал:

— «Ричард, божьей милостью король Англии и Франции и сеньор Ирландии, всем бейлифам и верным своим, до кого дойдет...»

— Подожди, — Уот подозвал к себе Питера, неотступно вместе с Бобом Моком следующего за вождем.

— Разыщи-ка мне Джона Болла, малыш. И быстро.

— Да, сэр, — мальчик тут же исчез в таверне. Вскоре он появился вместе со священником.

— Прости меня, Джон Болл, — я, наверное, оторвал тебя от завтрака. Но ты прочитай внятно все, что написано на этом листе, — сказал Уот.

Уполномоченный пожал плечами и передал грамоту священнику. Болл поднес лист близко к глазам и, не задавая лишних вопросов, громко, отчетливо начал читать:

— «Ричард, божьей милостью король Англии и Франции и сеньор Ирландии, всем бейлифам и верным своим, до кого дойдет это письмо, привет. Знайте, что по особой нашей милости мы отпускаем на волю всех верных подданных наших и освобождаем от всякого рабства каждого из них и обеспечиваем им это настоящим письмом, а также прощаем этим верным подданным нашим всякие преступления, измены, нарушения законов и вымогательства, ими или кем-либо из них каким-либо образом совершенные, даже тем из них, которые по этим причинам были объявлены находящимися вне закона, и жалуем им и каждому из них наш полный мир. Во свидетельство этого мы приказали изготовить эти открытые наши грамоты. Засвидетельствовано мною в Лондоне в пятнадцатый день июня, года нашего царствования четвертого».

— Кое-чего добились, а, лейтенант? — торжествующе обратился Тайлер к Джону Керкби.

Керкби улыбался. Сияли лица собравшихся вокруг командиров. Боб вышел из таверны и развернул перед ними знамя Ричарда.

— Мы раздадим грамоты представителям сотен. И они поедут по домам, понесут королевскую волю другим крестьянам, — сказал Керкби. — Вон, кстати, нас ожидают люди отважного Джека Строу. Эти молодцы уничтожили давно запылившийся дворец Хелза в Хайбери.

— Да, друзья, многое сделано, — сказал Тайлер. — Но это только начало. Только первый шаг...

— Уот прав, — сказал Джон Болл. — Сделан только первый шаг.

— Крестьяне хотят сделать второй — собираются по домам, — озабоченно сказал подошедший к командирам Роберт Кейв.

На улице появилась оживленная группа повстанцев. Это были люди из эссекских отрядов. Они шагали, гордые сознанием свершившегося. Впереди шел Томас Бекер. В руках он нес лист королевской грамоты.

Боб передал знамя Роберту Кейву и побежал к эссекцам.

— Куда вы собрались? Бекер, куда ты ведешь народ?

— Отойди, парень! Я считаю, пора возвращаться. Нам дали свободу. Что еще надо? Разбоя? Убийств? Мы не разбойники и не палачи. Мы крестьяне. У нас всегда полно всяких дел. И мы возвращаемся.

— Это измена! — крикнул Абель Кер и поднял над головой тяжелые кулаки.

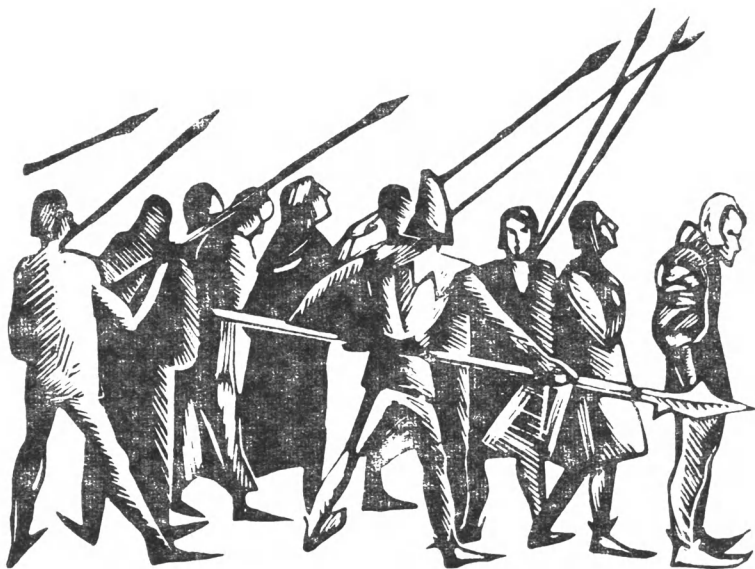
Джон Керкби выхватил из ножен меч.

— Стойте! Пусть пройдут! — остановил их Уот. — Пусть пройдут мимо! Они ничего не поняли. Останутся

те, кто понял все. Так будет вернее. А у нас сегодня еще много дел. Мы пойдем в Тауэр казнить изменников! Выступаем ровно через час. С нами согласие и знамя короля.

Грозная крепость ждала неотвратимо приближающегося возмездия. Решетка ворот была поднята, подъемный мост опущен. Огромная толпа восставших — тех, кто пришел из Майл Энда, и тех, кто оставался здесь, у стен, — двинулась в Тауэр.

Солдаты охраны, все с длинными бородами, непо-

движно стояли по сторонам, прижав к бокам копья: приказа сопротивляться они не получили.

Крестьяне входили в толстостенную обитель королей и законов беспрепятственно. Бородачей успокаивали, быть может, успокаивая и самих себя:

— Не бойтесь! Не бойтесь! Мы вас не тронем! Мы пришли казнить изменников. Нам повелел сам король.

— Сколько вас здесь? — спросил пришедший со всеми Джон Стерлинг и потрепал за бороду одного из стражей. — Наверное, не больше тысячи.

— Шестьсот человек гарнизона, — ответил обескураженный страж.

— То-то. А нас больше.

В крепости было пусто. Угрюмо смотрели почерневшие камни на восставших, на двух всадников, гарцующих перед главной башней. Это были Уот Тайлер и Джек Строу.

— Кто первый найдет изменников, тому почет и вознаграждение! — крикнул Джек Строу. — Казните врагов! Иначе будет поздно. Они созовут ополчение. И весь Лондон будет разгромлен в смертельной схватке!

Из дверей Белой башни выбежала Иоанна. В ее длинных волосах не было алой ленты. Она подбежала к Уоту и схватила за узду лошадь. Упавшие к плечам рукава кофты открыли сильные руки.

— Вас слишком долго не было. Но здесь уже известно, что король даровал нам право вершить суд справедливости. И я с Фарингдоном стерегу Тауэр, чтобы никто не ускользнул отсюда безнаказанно. Враги прячутся. В королевских покоях никого нет, кроме пауков, даже от собак остались только следы.

— Твоей отваге можно позавидовать, Иоанна! — сказал Уот.

— Спасибо, Уот. Я не дала улизнуть главному изменнику — архиепископу Сэдбери.

— Как тебе это удалось?

— Он хотел удрать и уже сел в лодку внизу, на реке. Я заметила, и закричала, и стала сзывать народ. Архиепископ выскочил на берег, подхватил рясу и бегом к башне. Там, наверно, есть какой-то ход, и Сэдбери удрал в крепость. Он где-то здесь. Мы найдем его.

Из часовни время от времени доносились монотонные звуки органа.

— Пойдем-ка туда, — сказал Джек, спрыгивая с коня, и направился к часовне. Когда он оглянулся,

за ним двинулись Иоанна, Фарингдон и несколько крестьян.

Тем временем повстанцы сооружали на Тауэрском холме плаху. Из подвала вынесли толстое, расколотое пополам черное бревно и топор. Облачили в широкую рубаху одного из королевских стражей и приказали ему стоять наготове.

Когда повстанцы вошли в часовню, там, к их удивлению, как ни в чем не бывало шла месса. * Несколько монахов на коленях молились перед распятием, спиной к дверям стоял священник с архиепископской митрой на голове и пел седьмой псалом *.

Почувствовав, что в часовню вошли люди, он перестал петь. Вошедшие молча приближались к нему. Монахи истово крестились, не поднимая голов.

Архиепископ, не оборачиваясь, сделал шаг назад, к распятию.

— Кто вы? — спросил он. — Чего вы хотите?

Он медленно повернулся. И все увидели неподвижное лицо, угасший, отрешенный взгляд.

Фарингдон вплотную подошел к архиепископу и вдруг схватил за руку.

— Ты разве не узнаешь меня?

Сэдбери попытался освободить руку.

— Отпусти! Или же всевышний покарает тебя за твою дерзость!

Фарингдон отпустил его руку.

— Выходи, выходи, прежде мы покараем тебя, душегуб! — Джек Строу подтолкнул архиепископа. Высокая митра упала на пол.

Орган стих. Монахи распростерлись ниц на каменном полу.

— Выходи! — повторил Строу.

Сэдбери, вытянувшись, прошел к дверям.

Он переступил порог и зажмурился от яркого солнечного света.

Увидев палача на лобном месте, он по ступеням направился прямо к нему.

Толпа замерла.

Сэдбери упал на колени перед плахой и, осенив себя крестом, тяжело уронил седую голову на бревно.

Первый удар оказался неловким и лишь слегка ранил архиепископа. Сэдбери приложил руку к шее и удивленно пробормотал в обступившей его тишине:

— А? Рука господа!

...Пять ударов подряд последовали затем. Когда палач поднял топор в шестой раз, к плахе уже вели за руки Хелза. Казначей вяло упирался.

— Ну что ты брыкаешься? — говорил ему Абель Кер. — Успокойся. Ты очень виноват и должен ответить за это. Так приказал его величество король.

— Вы все лжете, — хрипло сказал Хелз, и глаза его вдруг налились кровью.

— Посмотри, — сказал Джек Строу, поднеся к лицу Хелза грамоту короля.

— Это все ложь! — повторил Хелз. — Бумага, не утвержденная парламентом, бессильна!

— Вот мы сейчас и проверим на твоей шее ее силу! Протри-ка лучше топор, парень...

Следующим привели дрожащего, бессмысленно озирающегося Джона Лега, затем маршала тюрьмы Маршалси. Нашли в Вестминстерском аббатстве незадачливого хранителя королевской печати епископа Фордэма...

Толпа, разъяренная видом кровавого судилища, хрипела. Несколько человек подбежали к плахе и вонзили пики в отсеченные головы казненных, подняли их вверх

и бросились вон из Тауэра, увлекая за собой на улицу ревущую лавину восставших.

— Вот головы изменников! — понеслось над темнеющим городом. — Бейте всех, кто с ними!

Это было сигналом. Распаленные накопившимися обидами подмастерья бросились на ненавистных мастеров, ученики обрушили поленья на подмастерьев, лондонские торговцы — на своих соперников, и особенно на преуспевающих иностранцев — фламандцев, не спрашивая больше, правильно ли они произносят «сыр» и «хлеб»... Началась всеобщая расправа — страшная и беспощадная...

Горожане самых маленьких, почти незаметных профессий — канатные мастера, крысоловы, торговцы вафлями, содержатели извозчичьих тележек — врывались в хоромы королевских чиновников — их адреса они очень хорошо знали, — врывались, рушили шкафы, сундуки, зеркала, уничтожали богатства, нажитые чрезмерными поборами и штрафами.

— С нами король и господа!

Хрря-ясь! — вылетел в окно конторский стол.

Плюх! — вслед за ним летел перепуганный хозяин.

Луна. Огромный город, расцвеченный смоляными факелами. Пылают склады богачей, громяхают низвергаемые с домов куски кровли. Ревет, стонет, плачет, хочет Лондон. Безумная ночь!

Уот с яростью гнал свою лошадь к торговой площади. Когда он доскакал, повстанцы уже приволокли сюда лондонского спекулянта — Ричарда Лайонса. Купца взяли прямо с постели в собственном доме. Увесистый мешок золота предлагал Лайонс, пытаясь откупиться. Видно, слишком большие надежды возлагал купчина

на золото, если не скрылся заблаговременно из Лондона.

Сейчас он стоял в одной ночной рубашке с раскрытым воротом и смотрел воспаленными глазами на тех, кто окружал его, все еще надеясь на чудо.

— Здравствуй, Лайонс, — громко сказал Тайлер и шагнул из толпы к купцу.

Лайонс поднял набухшие веки и взглянул на Тайлера.

Уот подошел вплотную к Лайонсу. Того держали за руки два подмастерья с топорами.

— Поклонись, это наш вождь Уот Тайлер. Он действует именем короля, — ткнул концом факела в спину купца один из парней.

Лайонс согнулся.

— Ты, наверное, не помнишь моего имени, господин Лайонс, — сказал Уот. — А ведь это ты занес мое имя два года назад в «Черные списки». Ты лишил меня работы — единственного, на что имеет право даже самый бедный человек. Вспомни-ка. Или ты делал это столь часто и со многими, что тебе трудно припомнить в длинном ряду жертв ничтожного гравера из мастерской Риго? А?

Лайонс бессвязно шевелил губами. Лоб купца покраснел и взмок.

— Ты думаешь, я свожу с тобой личные счеты? Нет. Ты государственный преступник! Ты изменил народу! Ты разорил Англию, набивая собственные карманы. Ты изощрялся, выдумывая новые штрафы и поборы, ты накапливал богатства. Тебе все было мало, мало. Ты все был недоволен...

— А разве человек когда-нибудь бывает доволен? Мы — земные смертные — все одинаковы, — нетвердо выговорил Лайонс.

— Поздно философствовать, Лайонс. Или ты хочешь поиздеваться? Или пожить? Не выйдет, Лайонс. Ведь

такие, как ты, губят все живое на земле. И тебе нет места среди людей. Готовься. Именно сейчас, когда грянут твои поместья в Листоне, нависло возмездие и над тобой. Плаха была бы честью для тебя.

Купец что-то силился сказать. С лица его исчезла маска глубокомыслия.

— Убей его, Уот! Убей! — закричали в толпе.

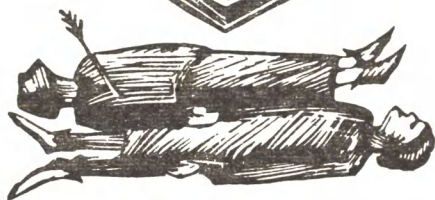
Десятки рук с топорами и палками протянулись к купцу.

— Будьте же все вы прокляты! — наконец выговорил Лайонс и повалился на землю.

Уот выхватил из-за пояса кинжал, крепко сжал рукоять, шагнул к распростертому на земле телу. В этот момент тяжелый топор стоявшего рядом подмастерья прикончил Ричарда Лайонса.

Уот Тайлер оглядел толпу.

— Ну, чьи господа еще остались в живых? Мы найдем их! Мы свершим наш самый праведный суд — суд совести. Врагам нет места среди тех, кто ищет правды!

— ГДЕ ТАЙЛЕР!

— ОН ПОСВЯЩЕН В РЫЦАРИ.

И з х р о н и к

«Как счастливо обернулось дело, ибо если бы восставшие продолжали действовать, то они уничтожили бы все английское дворянство...»

«Крестьяне пали на землю среди пшеницы, как люди, убитые горем...»

Иоанна хохотала до слез, глядя, как два взъерошенных петуха — один черный, другой рыжий, — приклонив к земле головы и распустив крылья, насакивают друг на друга. Их синеватые клювы, как будто связанные невидимой нитью, двигались то вверх, то вниз, потом застыли на мгновение, сталкивались...

Черного и рыжего петуха притащил с лондонского базара Боб. Со вчерашнего дня птицы сидели голодные в мешке, а теперь, выпущенные на волю, зорко стерегли друг друга. На Иоанну, Питера и Клеменс петухи не обращали никакого внимания, как, впрочем, и на шипящий смоляной фонарь, прикрепленный к палатке Тайлера.

— Золотой победит! Ну право же, — хлопал себя по коленкам Питер. — И кружка отменного овса будет его. Ну же, ну, сеньор, смелее...

— Но прежде они повыклевают друг дружке глаза, — сказал Боб и бросил в петухов горсть земли. Они, как подстегнутые, разом подпрыгнули вверх и продолжали свой поединок.

Боб откинулся назад, подложил руку под голову

и стал смотреть в темнеющее небо, потом перевел глаза на Иоанну. В ее смехе улавливалась грусть. Он вспомнил, как Иоанна выбежала сегодня из Белой башни, как заблестела от пролитой крови черная плаха, и содрогнулся. Казнили всех, кого удалось найти. Их головы выставили на кольях на Лондонском мосту, а трупы закопали в яму. Туда же, в яму, полетел и маленький позолоченный ключик с острой ступенчатой бородкой, найденный около казначея Хелза. К чему он теперь?..

Клеменс поднялась, подошла к бочке, зачерпнула кружкой воды и жадно выпила.

— В лагере уже спят, — сказала она. — Иди-ка, Питер, и ты туда, отдыхай.

— Я хочу подождать, пока прокукарекает победитель, — сказал мальчик. — И я вовсе не устал.

Это была, конечно, неправда. Весь день маленький Питер как вихрь носился по Майл Энду, с готовностью выполняя любые поручения старших. Грамоты, написанные клерками короля, рассылались по отрядам. В те отряды, откуда не приехали представители, посылали вестовых. Питер очень просил Тайлера взять его с собой в Тауэр — нужно же ему отыскать проклятую «стрекозу», узнать, каким образом она оказалась на пустынной каменной галерее башни, о которой рассказывал отец. Но вождь оставил Питера с Джоном Керкби и строго предупредил, уезжая, чтобы мальчик никуда не отлучался. И вот совсем недавно вернулись они из Майл Энда.

Полог палатки шевельнулся и отодвинулся. Из нее вышли Керкби и Уот Тайлер. Вождь был все в той же посконной рубахе с железной перевязью через плечо. Но теперь он казался осунувшимся, похудевшим.

Уот подошел к факелу и остановился, глядя на петухов.

— Что слышно нового? — спросил он.

— Пока ничего, — ответила Иоанна. — Тебе можно было бы и поспать до утра.

— Вам бы всем не мешало, — сказал Тайлер.

— Мне нельзя, — улыбнулась Иоанна. — Засыпая, я всегда боюсь проснуться.

— Боишься? А я думал, ты самая смелая женщина на земле.

— Даже настолько, чтобы сказать: каждую ночь я вижу во сне тебя, вождь...

Уот наклонил голову, будто прислушиваясь к очень далеким звукам.

Боб присвистнул, подскочил к своим петухам, подхватил их и поспешил прочь. За ним вдогонку побежал раздосадованный Питер:

— Так не годится, Боб, — еще неизвестно, кто победитель!..

Луна и звезды скрылись за облаками, стало совсем темно.

— Завтра будет жаркий день, безветренный. Закат был таким желтым, — сказал Уот и опустил ся на траву рядом с Иоанной. — Значит, видишь меня во сне, Иоанна?

— Да. Чаще всего вижу поле... Ты держишь меня за руку и ведешь куда-то... Наверное, на край света. И говоришь: «Ничего, ничего, Иоанна, все будет хорошо. Потерпи еще немного, не спеши...»

Уот засмеялся.

— Так, так... Ничего, Иоанна, все будет хорошо. Потерпи еще немного. Не спеши. Видишь, твой сон сбывается...

— Не весь.

— Сбудется весь. Подожди... Вот ты, наверное, не представляешь, какой завтра наступит удивительный

день!.. Король и в самом деле оказался неплохим малым, он не только ведет с нами переговоры, но и скрепил их грамотами. Мы воспользуемся расположением государя и вернем самое большое — отнятые у народа права. Мы отберем у церкви ее имущество и земли. И отдадим народу.

— Не понимаю, — пожала плечами Иоанна, — зачем тебе завтра треть Англии, если сегодня вся Англия в твоих руках?

— Э-э, нет. Мне обязательно нужно согласие короля. Его имени все подвластно. Только с его именем можно завершить наше дело.

— Попользоваться именем короля, а потом убить его, как предлагает Джек Стру?

Клеменс вздрогнула и посмотрела на Уота.

— Ты не поняла его, Иоанна. Он хочет, чтобы во главе государства стоял мудрый, сильный и справедливый правитель, выбранный народом. Но даже самый мудрый король должен десять раз взвесить каждое слово, прежде чем сказать его, двадцать раз отмерить каждый шаг, прежде чем сделать его. Ведь должен же он, наконец, понимать, что за ним скажет и шагнет вся Англия...

Иоанна продолжала сидеть, чуть улыбаясь.

— Вот тогда мы переделаем всю страну. Люди будут жить иначе. Сейчас в это не верят. Потому-то еще и нужен король. Когда поверят — наступит другая жизнь. Все будут равны и счастливы. Земля зацветет, как сад, и это будет земля тех, кто трудится... тех, кто не боится правды. Всех, кому правда ненавистна, мы уберем с пути, чтоб не мешали... И ты, девочка, — Уот повернулся к Клеменс, — узнаешь все радости, какие может подарить жизнь, если человек смел, честен и свободен. Ты еще украсишь розами свою дорогу.

А пастух Боб сложит новые песни о солнце. Мы же с тобой, Иоанна, найдем тогда время поведать друг другу обо всем, что снится во сне...

Все молчали, увлеченные рассказом вождя... С Темзы долетали крики лодочников. Где-то хрипло лаял пес. Иоанна, перебирая волосы, смотрела на реку.

— Сыро становится. — Уот поднялся. — Кто знает, где Джон Болл?

— Он как будто собирался в часовню, — ответила Иоанна.

Уот пошевелил плечами, разминая мышцы, и зашагал к Тауэру.

— Чем дольше медлить, тем труднее будет отвоевать потерянную власть.

— Наконец-то вы поняли это, Солсбери, — сказал Латимер, разбирая на подоконнике пачку бумаг. — Заброшена вся корреспонденция. Его величество не дописал ответное письмо герцогу и герцогине Люксембургским... Все ужасно!

— Вам не кажется, что мы летим в пропасть?

— И это говорит граф Солсбери! Да, сэр, ваша тактика обещаний теперь немного стоит. Нужны энергичные меры.

— Но опять же без переговоров с восставшими нам не обойтись.

Латимер удивленно посмотрел на Солсбери.

— Да, да, нужны переговоры, как никогда...

— Господа, сюда прибыли лондонские торговцы и рыцари! Они крайне обеспокоены, — раздался чей-то громкий голос. После того, как восставшие захватили Тауэр, королевский двор обосновался в замке на Картер-Лейн, в новой резиденции его величества. Здесь с минуты на минуту должен был состояться Королевский совет.

В ожидании его лорды заполнили длинную узкую галерею. Сюда привел Роберт Ноллз не на шутку испуганных лондонских богачей. Надо всеми возвышался на целую голову рыботорговец Хорн. Вошедшие нерешительно топтались у дверей галереи.

— Проходите, господа, — сказал Солсбери и пошел к ним навстречу. — Что вы желаете сообщить нам?

— Уважаемые пэры, — обратился к лордам Хорн, отвесив неуклюже поклон. — Лондон, как вы знаете, в огне и крови. Эссекс и Кент охвачены восстанием. Пламя расходится все дальше. Поднялись крестьяне других графств: Саффолка, Норфолка, Сент-Олбанса...

— Кстати, где аббат Сент-Олбанса, этого достойнейшего из графств? — перебил олдермена Солсбери.

— Мне известно, — почтительно ответил Хорн, — что аббат встречался с восставшими и согласился предоставить свободу и крестьянам, и горожанам. Более того, он позволил пасти скот на лугах аббатства, охотиться в лесах, ловить рыбу в прудах. Он дал своим людям право самим выбирать городских правителей.

— Я всегда считал, что аббат Сент-Олбанса глуп. Но он еще и трус, — проговорил Солсбери.

— Эти дни на многое и нам открыли глаза. Иначе бы мы не пришли к вам. Считайте, что мы полностью в вашем распоряжении, — сказал Хорн.

— Значит, господа, у нас уже не только отряд Ноллза, — Латимер взглянул на Солсбери. — Мы можем рассчитывать и на поддержку лондонцев.

— Нас тысяча сейчас, ваша светлость, — сказал Хорн.

— Это не так много, — задумчиво произнес Солсбери. — Но если все продумать и не шарахаться из стороны в сторону, — мы еще можем что-то сделать...

— Приглашаю всех к королю! — почти вбежал

в галерею граф Кентский, но, увидев олдерменов, остановился, осекшись.

— Вы подождите здесь окончания совета, — сказал купцам Солсбери. — Кстати, где ваша синяя шляпа с желтым пером, граф Кент? Красный берет не к лицу вам.

Ричард спешил к воротам Вестминстерского аббатства. Быстро прошел в собор, к усыпальнице английских королей. Искусно вырезанные из дерева изваяния отцарствовавших предков возлежали на высоких постаментах. Их деревянные руки были молитвенно сложены на груди.

Пятнадцать минут свита ожидала короля, пока он молился, потом исповедовался и получал отпущение грехов у слуг божьих, насмерть испуганных событиями последней ночи.

Закутавшись в плащи, угрюмо сидели в седлах рыцари. Глот выступал каплями на их напряженных лицах. В этот душный день все облачились в железные доспехи. Пристегнутый к поясу Ноллза длинный меч выглядывал из-под темно-зеленого плаща.

Грозная кавалькада двинулась вслед за королем к Смитсфильду. Ежегодно в этом местечке под Лондоном устраивались крупнейшие в стране ярмарки, а по пятницам торговали скотом. Сегодня на поле, возле северных лондонских стен, должны были состояться по предложению Королевского совета вторые переговоры короля с восставшими. О них сообщил рано утром срочный королевский вестовой.

Шел пятый час пополудни. Выехав из городских ворот, Ричард и свита медленно двигались полем.

У городской стены выстроилась армия восставших. Кроме двух знамен, которые уже дважды видел Ричард,

на древке висело его, королевское знамя, врученное крестьянам два дня назад.

Свита остановилась в некотором отдалении от короля.

Солсбери поднял руку. По его знаку Уолворт выехал вперед и направился к восставшим.

— Крестьяне! — крикнул Уолворт, сняв шляпу и махнув ею в воздухе. — Король дарит вам еще одну аудиенцию! Он просит к себе вашего вождя Уота Тайлера, чтобы решить окончательно все вопросы!

Вечернее, налившееся краснотой солнце освещало правый фланг армии восставших. Оттуда отделился всадник и двинулся к воротам. В свете угасающего дня он был весь красный. Красной была его лошадь. Красным — плащ с черным капюшоном. Красной — посконная рубаха. Волосы вокруг высокой шапки светились червонным золотом. На некотором расстоянии от вождя ехал знаменосец. Это был Боб Мок.

Ряды придворных подались назад. Лорды незаметно крестили под плащами латы. Медленно отступала лошадь Ричарда.

А всадник приближался. Пугающий, как знамение...

Он подъехал близко к королю. Сошел с лошади. Встал на одно колено, дотянулся до руки Ричарда и обеими своими руками потряс ее.

Ричард бросил потерянный взгляд на сопровождавших его рыцарей.

Тайлер усмехнулся и сказал:

— Не надо, брат, не грусти. Будь спокоен и весел! Мы станем добрыми товарищами.

— Здравствуй, Уот Тайлер! — сказал Ричард и, поборов волнение, продолжал тверже: — Я бы хотел, чтобы ты ответил мне: почему народ не возвратился в свои графства? Почему народ до сих пор вооружен? Ведь ваши требования выполнены.

— Мы дали клятву, государь, что не уйдем отсюда, пока все наши требования не будут удовлетворены.

Уолворт что-то прорычал.

Ричард спросил:

— Чего же еще хотят крестьяне?

Тайлер вынул из-за пазухи и развернул лист бумаги:

— Послушай, государь, это наши последние требования. Мы изложили их здесь очень кратко.

Ни ветерка в жарком, разогретом воздухе.

— Пусть не будет никакого другого нового закона о гражданских правах, кроме Винчестерского, установленного государем Эдуардом I. И ни один человек пусть не объявляется вне закона по решению судей, юристов или других посредников. Пусть ни один лорд не будет сеньором над общинами. Пусть будет в Англии только один епископ, посредники и здесь не нужны. А все церковные богатства и церковные земли должны быть отняты и разделены в соответствии с нуждами народа...

Ричард слушал, бледнея. Лорды приблизились и выжидательно смотрели на короля.

— Все, что вы просите, я обещаю исполнить, если, это входит в компетенцию моей короны, — заученно, как молитву, произнес Ричард. — А теперь я повторяю свое требование: пусть общины возвращаются домой...

Воцарилось молчание.

Уот почувствовал, что в горле у него пересохло. Он обернулся к Бобу и попросил немного эля, чтобы смочить пересохшие губы. Боб передал ему флягу.

— Во здравие нового порядка и за гибель старого! — улыбнулся Тайлер королю, отхлебнул эля и вернул флягу Бобу. — Ведь так, ваше величество?

Он поправил кинжал за поясом, влез на лошадь и повернул к ожидающим его крестьянам.

Придворные медленно направили своих лошадей

следом. Затем они стали понемногу опережать спокойно идущую лошадь Тайлера, образуя полукольцо. Поднялись клубы пыли, взбитой копытами.

Уот оглянулся и увидел близко за собой морду королевской лошади. В этот момент толпа придворных вдруг сомкнулась перед ним в кольцо. Боб с тревогой огляделся.

— Смотрите-ка! — вдруг раздался чей-то резкий крик. — У него за поясом кинжал моего убитого отца!

Уот вздрогнул и невольно взялся за рукоять.

— Откуда у него этот кинжал? Он его украл, когда грабил наш дом!

Тайлер побелел. Лошадь его высоко задрала голову, удила впелись в углы рта.

— Пусть тот, кто обвиняет меня, выйдет сюда, — сказал Уот хладнокровно. — Я главный советник короля и разберусь с ним.

Но человек не показывался и опять выкрикнул из-за спин придворных:

— Этот вор и убийца известен по всему Кенту!

— Пусть же выйдет тот, кто подает голос.

Придворные расступились и дали дорогу лошади молодого паж.

— Посмотрите, ваше величество, — обращаясь к королю, сказал он. — Я вынужден объясняться в вашем присутствии. Это и в самом деле наш фамильный кинжал — семьи Хелзов. И на рукоятке его отчеканено серебряное созвездие Тельца, знаменующее рождение великих полководцев.

— Ты врешь, парень, — сказал Уот.

— Нет, не вру. И могу даже сказать, что написано на кинжале. Но я не скажу этого, ваше величество. Однако, клянусь богом, у него кинжал моего отца, и за гибель его я готов отомстить!

— Его нужно казнить за клевету, ваше величество, — сказал Тайлер.

— Нет! Это не клевета! — голос пажа сорвался. — Если уж так, я скажу. Там написано: — «Беда стране, которой правит отрок». Это слово из Екклесиаста... *

Ричард вздрогнул.

Тайлер выхватил кинжал из кожаного футляра.

— Но клинок у него крестьянский...

И тогда Уолворт иступленно закричал:

— Взять его под стражу! Он обнажил оружие в присутствии его величества!

Увидев искаженное лицо Уолворта, злые лица придворных, этих скрытых и явных изменников короля, Уот размахнулся и ударил мэра кинжалом в живот. Клинок, скрежеща, скользнул по кольчуге под плащом.

Уолворт отскочил и, вытащив из-под плаща меч, бросился на Тайлера. Удар пришелся в голову.

Уот качнулся и, навалившись на шею лошади, еще попытался пришпорить ее и повернуть к товарищам. Она сделала несколько шагов, и Тайлер упал на землю.

Боб хотел крикнуть, но чья-то рука закрыла ему рот, на глаза ему набросили повязку. Все погрузилось во тьму.

Из толпы восставших донесся шум. Они не могли разглядеть, что происходит. Потерявшее свои лучи солнце тяжелым багровым шаром скатывалось за их спины.

И вдруг все увидели скачущую прямо на них лошадь. На ней сидел Ричард. Глаза его безумно горели, волосы были встрепаны. Лошадь остановилась как вкопанная перед рядами крестьян. Некоторые из них уже натягивали луки.

— Стойте! — крикнул Ричард. — Стойте!

— Где Тайлер?

— Тайлер?.. Он посвящен в рыцари!.. Он ждет вас возле Клеркенвилля... Идите, ваши требования будут

удовлетворены, — выговорил бескровными губами Ричард.

Внезапно король увидел стоящую под флагом девушку в полосатой юбке. Девушка смотрела прямо на Ричарда, и, ему показалось, с сожалением. Он со всего размаха стегнул плетью лошадь. И она понесла короля назад по огромному пустому полю.

Строй восставших смешался, превратившись в бесформенную гудящую толпу.

Эта толпа двинулась, куда указал король. В стороне нерешительно кружилась на месте лошадь Джона Болла, он вглядывался туда, где только что в облаке пыли исчезли Уот и знаменосец. Трудно было разобрать, что там происходит. Видно было только, что группа всадников движется на север — к Клеркенвиллю. Один из них отделился и галопом поскакал к городским воротам. За ним, как зеленые крылья, развевался плащ.

С ближайшей городской башни ударил набат. Его неровный гул заполнил темнеющее поле.

Крестьяне вступили на Клеркенвилльскую поляну, где угрюмо чернела за обгоревшими вязами разгромленная церковь. Навстречу двигался отряд рыцарей. Впереди ехал кондотьер Ноллз. Зеленый плащ его был откинут назад, обнажая доспехи. За ним на коне в рыцарском облачении следовал Уолворт. Он высоко держал копье.

Когда крестьяне приблизились, на конце копья Уолворта они увидели голову своего вождя.

Дрожь пробежала по толпе восставших. В ужасе они повалились на землю...

Ветер дул порывами. Нещадно хлестал дождь. Этой ночью были казнены Джон Керкби, Алан Тредер и Джек Строу, захваченные врасплох в лагере.

Суда не было. После того как перечислили все злодеяния Строу, Уолворт, только что пожалованный в рыцари, сказал:

— Тебе предстоит неминуемая смерть, Джек Строу, и ты уже не можешь избежать ее каким-либо путем. Поэтому для облегчения своей кончины и спасения души расскажи без всякой лжи о плане, который вы между собой составили, ради которого возмутили народ.

На это Джек ответил:

— Не правы те, кто говорит: все равно что быть наказанным за овцу, что за ягненка. Я скажу вам истину, ибо от моих слов действительно есть польза. Во-первых, занесенные в бумаги, они останутся для потомков и будущему нашему помогут, и, во-вторых, как вы обещаете, после смерти мне помогут молитвы живых. Наш главный план состоял в том, чтобы умертвить всех господ, стереть с лица земли епископов, монахов, каноников. Мы хотели такого государя, чтобы он знал нужды простого народа и правил бы в полном согласии с ее величеством справедливостью...

Дождь лил весь день и всю ночь не переставая.

Перед королевским судьей Трезилианом предстал Джон Стерлинг. Ухмыльнувшись в мокрые усы, он сказал судье в ответ на обвинение:

— Как-никак, а я горжусь тем, что на мою долю выпало участвовать в убийстве изменника-архиепископа.

18 июня 1381 года Ричард проследует в Эссекс. Короля будет сопровождать его воинственный дядя — граф Букингэм. Эссекс к тому времени воздвигнет крепкую оборону против королевской армии. «Все, что мы делаем, мы делаем с согласия короля», — заявят крестьяне в Эссексе, потрясая грамотами Ричарда.

И король будет слушать их, глядя поверх голов. Потом он прочитает поданный Уолвортом указ:

— «Вы были крепостными и останетесь ими...»

28 июня все укрепления эссекских крестьян будут взяты приступом. Они потеряют более пятисот человек убитыми.

Но судье Трезилиану этого покажется мало, и он заставит судебных чиновников пролить кровь еще нескольких сотен крестьян под топорами королевских палачей. Ему не хватит виселиц, и он будет вешать на одной виселице по десять человек.

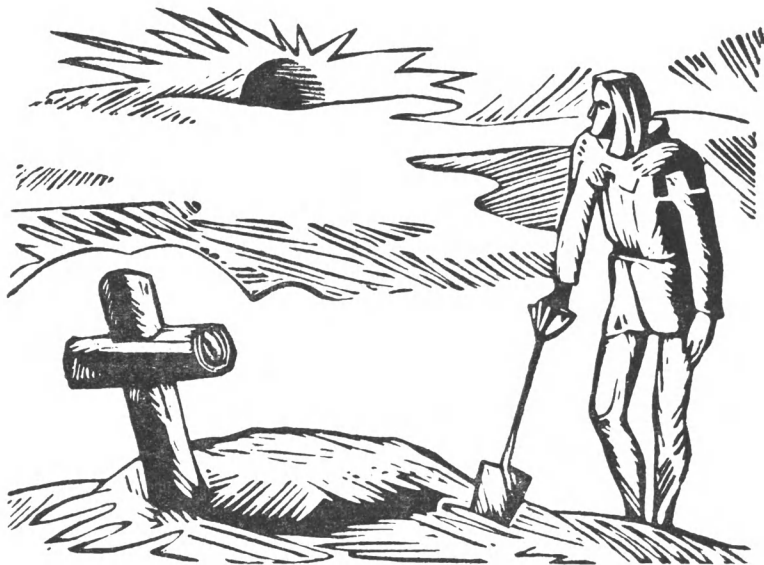
Столь же зверски будет расправляться в Кенте

уцелевший волей судьбы судья Белкнеп. И доведет число повешенных и обезглавленных до полутора тысяч.

Джона Болла арестуют через месяц. Суровый суд состоится над ним в Сент-Олбансе. И проповедник скажет перед смертью:

— Может быть, через много лет другие люди ударят в те же набатные колокола, в которые звонили я и Уот Тайлер и которые теперь замолкли. Может быть, те, кто придет на смену, научатся на наших ошибках и будут знать, что простой народ не должен возлагать надежд ни на королей, ни на других государей. Простой народ может рассчитывать лишь на свои собственные силы.

На вопрос Трезилиана: играл ли он ведущую роль в восстании, — Джон Болл ответит:

— Да. Мои письма рассылались для поучения народа задолго до начала восстания.

На вопрос Трезилиана: признает ли он свою вину, — Джон Болл ответит:

— Нет. Я не считаю свои действия заслуживающими порицания, ибо верю во все, что я писал, говорил и делал. И я ни от чего бы не отрекся, и мне не в чем раскаиваться...

Самую страшную казнь придумают Джону Боллу. Произнесут неслыханный по жестокости приговор — повесить, четвертовать и обезглавить.

И 15 июля все это будет исполнено. И судья услышит крик из толпы, согнанной на казнь:

— Ты погибнешь, как пес, Трезилиан!

И колокола загудят мощно и протяжно над пожелтевшими пшеничными полями:

— Джон-н — Бол-лл —
Джон-н — Бол-лл...

В Фоббинг тайно привезли хоронить повешенных. Всех. И тех, кого пленили воины королевских отрядов в разгоревшихся схватках, и тех, кого выдали предатели. И тогда выяснилось, что рыбак Тоби Снейк никакой вовсе не рыбак и к тому же не Тоби Снейк.

За несколько месяцев до восстания священник Рау бросил недостаточно прибыльный, на его взгляд, приход в Листоне и под другим именем бежал на заработки, обосновался в Керрингэме, стал рыбачить. Волна народного возмущения подхватила его, и вскоре священник-рыбак стал командующим одним из отрядов. Это он заявил после осады Рочестера, будто ему удалось за-

хватить и посадить в тюрьму Джона Ньютона. Свою злобную зависть он утолил, вызвавшись громить богатые поместья крупнейшего в стране спекулянта Ричарда Лайонса. С этим кончились его воинственность и пыл. Рау уже было все равно, что настоящий сэръ Джон Ньютон с медной стрекозой на воротнике, прибывший в Блекхиз послом короля, был выпущен повстанцами на свободу как самозванец. Питер так и не узнал, кто стрелял в отца из потайного люка каменной галереи. Рау выдал всех, кого можно было выдать.

Без единого крика и возгласа собрались крестьяне у вырытых могил. Плакали про себя, судорожно проглатывая сухие рыдания.

Но Клеменс все-таки зарыдала, когда увидела сомкнутые глаза и посиневшие губы Боба. Пастуха нашли растоптанным лошадьми на Клеркенвилльской поляне. И она спрятала мокрое лицо в повязанном у него на шее своем платке с белыми маргаритками...

А когда она узнала, что ее старый отец не вернется домой даже мертвым, что его вместе с другими повстанцами, самоотверженно, до последнего вздоха защищавшими лагерь на Темзе, зарубили на месте королевские рыцари, у нее уже не хватило слез.

Приказчик не посмел вычесть дни похорон из оплачиваемых дней барщины, не посмел жаловаться вдове барона Барта, убитого в схватках минувшего кровавого обновления...

— ЧТО СКАЖЕТЕ ВЫ,
ОСТАВШИЕСЯ ЖИТЬ!

ы, Томас Бекер?

— Мы искали правды и свободы, чтобы каждый человек раскрылся, как хорошо поднявшееся тесто под лезвием ножа пекаря...

Ты, Джон Пейдж?

— Мы искали какого-нибудь выхода из нужды. Нельзя сказать, чтобы нашли, но силу свою **еще** яснее увидели.

Ты, Вилль Грим?

— Я же говорил, что все чудеса длятся девять дней. Девять дней Англия была охвачена невиданным огнем.

Ты, Боб Мок?

— Нет его. Он казнен.

Ты, Марджера Воллен?

— Моя жизнь кончена. Пусть скажут дети.

Ты, Клеменс?

— Бедный мой отец! И Боб погиб... А Тайлер—герой!

Ты, Питер?

— Ни о чем не жалею. А как должно быть иначе?

Ты, Эндрью?

— Отца нет. Он казнен.

Ты, Бен?

— Знал я, что правды не найти. Смерть властвует в короне королей.

Ты, Роберт Кейв?

— Плохую шутку сыграли с нами господа в Майл Энде и Смитсфильде. А все потому, что мы были простодушны и слишком много надеялись и верили.

Ты, Иоанна Ферроуз?

— Нет Иоанны. Ее казнили.

Ты, Абель Кер?

— Нет его. Казнен.

Ты, Хорн?

— Они все-таки были честные люди и стояли на твердой почве, когда шатался мир.

Ты, Уолтер Сайбил?

— Они хотели лучшего и боролись за него. Таким не пропасть в Лете.

Ты, Томас Фарингдон?

— Кто-то должен был стать первым, чтобы помочь тем, кто хотел направить жизнь по нужному пути. И Уот стал первым.

Ты, Уильям Уолворт?

— Благодарю за пожалованное мне рыцарское звание. Надеюсь дожить до того дня, когда мое колено будет украшено голубой лентой ордена Подвязки...

Ты, профессор Рондел?

— Что говорить? Поймут ли? Ведь умному видится

иной мир... Меч Дионисия висел над старой Англией, держа на конском волоске. Сейчас я спешу на урок истории к королю... Сегодня вторник.

А ты, Время?

— Англия, конечно, уже не может вернуться назад...

Хотя крестьяне огромной ценой заплатили за свое восстание, они нанесли крепостному строю смертельный удар. Лендлорды в конце концов изменили отношение к крестьянам — они перестали требовать барщины, начали сдавать участки земли в аренду; они перестали обращать вольноотпущенных работников в крепостных...

Дни восстания, которое возглавил Уот Тайлер, были броском вперед, всеобщим празднеством, когда жизнь казалась волнующей и удивительной, когда задавленные гнетом крестьяне почувствовали себя наконец людьми.

Уота не стало в один из жарких дней борьбы за народную Правду. Но он погиб, чтобы возродиться вновь и вновь...

ПРИМЕЧАНИЯ

Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, противник афинской демократии.

Сократ (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, учитель Платона.

Аристотель (384—322 до н. э.) — великий древнегреческий философ, идеолог античного рабовладельческого общества.

Плиний (I в. н. э.) — римский историк и натуралист.

Эпикур (341—270 до н. э.) — просветитель древности.

Артемидор (II в.) — автор сборника «Истолкование снов».

Донат — римский ученый, автор учебника латинской грамматики, распространенного в средние века.

Вильгельм Завоеватель — нормандский герцог, победивший в битве при Гастингсе в 1066 году англосаксов.

Геродот — древнегреческий историк.

Цезарь Юлий (100—44 до н. э.) — государственный деятель Древнего Рима, гениальный полководец, талантливый бытописец.

Гарольд Синезубый — герцог, возглавлявший англосаксов в битве при Гастингсе.

Стефан — английский король XII века.

Матильда — английская королева XII века.

Иоанн Безземельный (1199—1216) — английский король. Его «Великая хартия вольностей» 1215 года включала некоторые гарантии против произвола королевской власти.

Шериф — королевский чиновник, стоящий во главе графства.

Бейлиф — судебный пристав.

Уиклиф Джон — английский богослов, профессор Оксфордского университета, восставал против богатств церкви и требовал ее подчинения государственной власти.

Мажордом — управляющий.

Краасс Марк Лициний — римский консул, возглавлявший борьбу с восстанием рабов под руководством Спартака.

Битва при Креси (1346) и **битва при Пуатье (1356)** были выиграны англичанами в Столетней войне с французами.

Солон — первый архонт Аттики. В 594 году убрал с полей долговые камни.

Жакерия — восстание против крепостного гнета во Франции в 1358 году.

Гильом Каль — вождь крестьянского восстания 1358 года.

Чосер Джеффри (1340—1400) — английский поэт, автор «Кентерберийских рассказов».

Гауэр Томас (1330—1408) — английский поэт из Кента.

Пэр — главный дворянский чин.

Виллан — крепостной.

Грот — денежная единица, равная 4 пенсам.

Бирка — деревянная палочка, на которую поперечными зарубками наносили суммы уплачиваемых денег. Потом бирка раскалывалась надвое. Одна половина передавалась плательщику, а другая — старосте. Для проверки обе части складывались.

Суд королевской скамьи — верховный гражданский суд.

Сеньор — при феодализме крупный земельный собственник.

Помбчь — вид платежа господину.

Эль — пиво.

Манор — поместье.

Валентинов день — день 14 февраля, когда юноши избирают возлюбленных и посылают им письма.

Комиссар — должностное лицо, обладающее особыми полномочиями.

Фома Бекет — архиепископ Кентерберийский. Был убит королевскими рыцарями в соборе.

Констебль — комендант замка.

Ленгленд Уильям (1352—1420) — английский поэт.

Плевел — сорная трава.

Будикка — народная героиня, возглавившая восстание англичан против римлян.

Альбион — так называют Англию.

Данте Алигьери (1265—1321) — поэт, был изгнан в 1302 году во Флоренцию политическими врагами.

Чипсайд — рыночная площадь в Лондоне.

Панч — петрушка в английском народном театре.

Маршал — начальник тюрьмы.

Кондотьер — военачальник.

Месса — музыкальная часть обедни.

Псалом — религиозное песнопение.

Екклесиаст — священная книга.

ОГЛАВЛЕНИЕ

— Но я не хочу никаких бунтов...	
— На этот раз они поступают против вашей воли, государь...	9
— Вы за кого?	
— За короля Ричарда и его верные общины!	29
— Или ты не хочешь жить спокойно?	
— Хочу и поэтому не могу себе этого позволить	65
— Король — безумец!	
— Всем вам выпасть из сквороды — да в огонь!	113
— Где Тайлер?	
— Он посвящен в рыцари	135
— Что скажете вы, оставшиеся жить?	153
Примечания	157

Томова Людмила Илларионовна

КРАСНЫЙ ВСАДНИК (Уот Тайлер). Ист. повесть. (Для среднего и старшего школьного возраста.) М., «Молодая гвардия». 1971. 160 с., с илл. (Пионер — значит первый.)

Р2

Редактор **Надежда Шашерина**
Художественный редактор **Виктор Плешко**
Технический редактор **Галина Прохорова**
Корректоры **Иван Кудашев, Лидия Зорина**

Сдано в набор 14/VIII 1970 г. Подписано к печати 2/II 1971 г. А01134. Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 2. Печ. л. 5 (усл. 7). Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 000 экз. Цена 26 коп. Т. П. 1970 г. № 93. Заказ 1583.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сушцевская, 21.

26 коп.

20
выпуск

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ